S 44
871

ДЕШЕВАЯ БИБЛІОТЕКА ДЛЯ СЕМЬИ и ШКОЛЫ.

44
871

А. Алтаевъ.

Въ дебряхъ Мордвы.

Дѣтство патріарха Никона.

Книгоиздательство **Д. И. Тихомирова.**

Москва, Б. Молчановка, д. № 18.

АЛТАЕВЪ, Ал. Тепла и свѣта. Разсказы. Съ рисунками. Ц. 30 к. О. О. У. К. М. Н. П. допущена въ ученическія библ. средн. учебн. зав., въ безплатн. народн. библіотеки и читальни. (Отношеніе № 5959, отъ 13 мая 1905 г.). Главн. Управлен. Военно-Учебн. завед. рекомендована для чтенія кадетамъ I и II классовъ. (Цирк. № 54 отъ 24 ноября 1906 г.).

— **Разсказы о маленькихъ людяхъ.** Съ рисунками. 2-е изд. Ц. 70 к. О. О. У. К. М. Н. П. допущена въ ученическія библіотеки среднихъ учеб. завед. и въ безплатн. народн. библіотеки и читальни. (Отношеніе № 5957, отъ 13 мая 1905 г.).

— **Свѣточъ Кампо ди Фіори.** Историческая повѣсть изъ жизни Джіордано Бруно. Съ оригинальными рисунками художника Е. Е. Гарнака. Ц. 50 к.

— **Отъ земли.** Повѣсть для дѣтей. 3-е изданіе. Ц. 50 к. О. О. У. К. М. Н. П. допущена въ ученическія библіотеки низшихъ училищъ, въ ученическія библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки. (Отношеніе № 10447, отъ 24 марта 1904 года).

— **Въ волшебной странѣ Ацтековъ.** Повѣсть. Ц. 60 к. О. О. У. К. М. Н. П. допущена въ ученическія библіотеки [illegible] женію 31 мая 1872 года. училищъ и [illegible] тальни и библіотеки. (Отно[illegible]

— Ассанъ-Хызъ. [illegible] Н. [illegible]

Дешевая библіотека для семьи и школы.

S 44/871

801-91
7943-4

А. Алтаевъ.

Въ дебряхъ Мордвы.

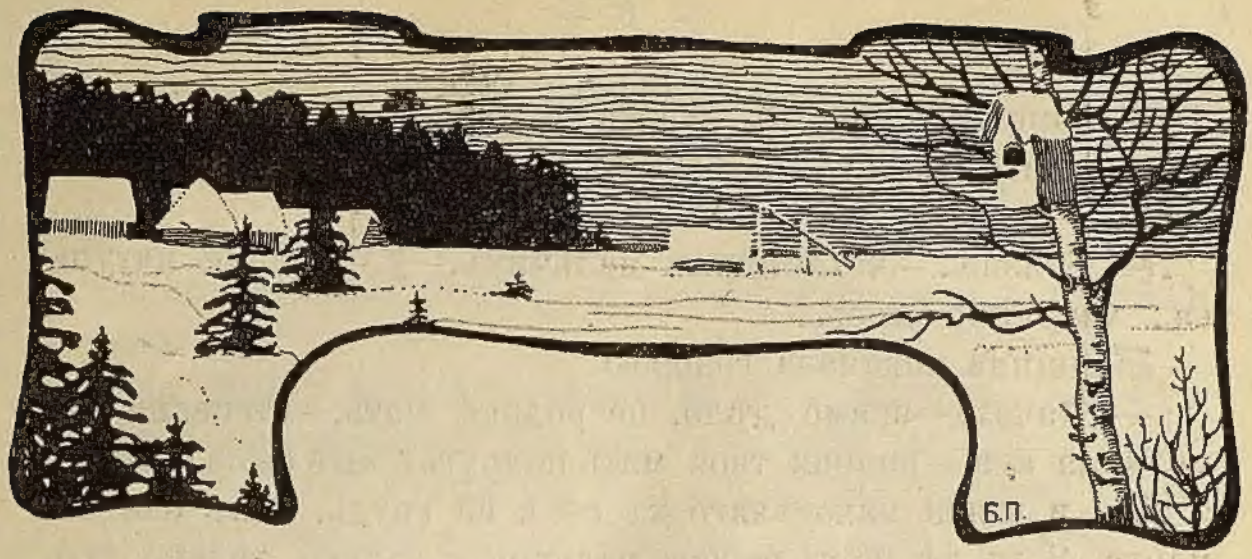
Дѣтство патріарха Никона.

Изданіе редакціи журнала «Юная Россія».
Москва, Б. Молчановка, д. № 18.

МОСКВА—1912.
Типографія Русскаго Товарищества, Мыльниковъ пер., соб. д.
Телефонъ 18-35

ПУБЛ. БИБЛ.
имени
В. И.
ЛЕНИНА
С.С.С.Р.
Ф.33-16.52
2007099336

Патріархъ Никонъ.



Въ дебряхъ Мордвы.

Дѣтство патріарха Никона.

I.

Вставало солнце надъ Вельдемановымъ [1]); пробуждались поля. Тамъ, гдѣ кончались поемные луга и темнѣлъ лѣсъ, тянулись поля, и по синеватымъ всходамъ озими утренній вѣтерокъ гналъ сѣрую волну, а рядомъ, надъ тучной вспаханной нивой, надъ черными комьями, поднимался чуть замѣтный паръ. Люди разбрасывали тамъ широкими взмахами полныя горсти зерна. То былъ день посѣва.

Молодая баба съ заплаканнымъ лицомъ вела за руку по межѣ мальчика и пѣвучимъ голосомъ уговаривала его:

---

[1]) Село Княгининскаго уѣзда, Нижегородской губ.

— Нишкни, родный: пошто плачешь? Нешто батюшка родное дитё обидитъ? У батюшки твоего, Мины, всего вдосталь...

— Боязно...—всхлипнулъ мальчикъ,—у батюшки матушка... матушки боюсь...

Женщина покачала головою.

— Мачеха—знамо дѣло, не родная мать,—степенно вымолвила она,—родная твоя мать подругой мнѣ была... оттого я тебя и взяла махонькаго къ себѣ на грудь, какъ она померла. Я въ тѣ поры своего мальчонка только, только схоронила; дай, думаю, выращу сынка Маріамны. Нонѣ и жаль отдавать стало... А Мина все свое: отдай мнѣ мальчонку, Аксинья, да и весь сказъ. Ты молчи; увидитъ батюшка,—вонъ сюда глядитъ,—неровенъ часъ, осерчаетъ...

Никита сдержалъ слезы и шелъ молча, опустивъ голову.

На косогорѣ, среди черной вспаханной земли, рѣзко выдѣлялась могучая фигура мордвина Мины. Онъ стоялъ, широко разставивъ ноги, съ рѣшетомъ на ремнѣ, перекинутомъ черезъ плечо и, заслонивъ рукою отъ солнца глаза, вглядывался вдаль.

— Здорово, сынокъ!—сказалъ Мина, протягивая сыну большую широкую руку и оцѣнивая сильную широкоплечую фигурку мальчика.

Дѣтская рука несмѣло легла на ладонь мордвина; глаза исподлобья метнули взглядъ на отца. Мина наклонился, поцѣловалъ Никиту въ темя и, застыдившись этой ласки, сурово протянулъ:

— Свела бы ты мальчонку домой, Аксинья, да погоди: не сказалъ я тебѣ еще спасибо за берегу Никешину. Богъ тебѣ за него пошлетъ вдвое.

— Для покойницы Никешу блюла,—прошептала Аксинья.

Мина смотрѣлъ вдаль, нахмуривъ брови. О чемъ онъ

думалъ? О своей ли покойной кроткой женѣ, или о той, которая отнынѣ должна была стать Никитѣ матерью?

— Ступайте домой,—заговорилъ Мина и набралъ изъ рѣшета полную горсть зерна.

Аксинья повела Никиту по косогору къ дорогѣ, идущей на село.

Изба Мины казалась опрятнѣе и просторнѣе многихъ избъ въ Вельдемановѣ. Въ ней были даже два „красныхъ“ окна, затянутыхъ пузыремъ, которыми очень гордился Мина.

Аксинья застала мачеху Никиты „Миниху“ на огородѣ. Изъ-подъ низко надвинутой на лобъ повязки на нее глянули угрюмо холодные глаза; отрывистый голосъ прозвучалъ холодно и властно:

— Сведи въ избу мальчонка; видишь, мнѣ недосужно!

И она опять склонилась надъ грядою.

Аксинья увела Никиту въ избу. Изъ краснаго угла на него глядѣли строгіе темные лики иконъ, окруженные шитыми полотенцами; на столѣ пестрѣла скатерть, съ затѣйнымъ узоромъ; на порогѣ столпились ребятишки, — дѣти мачехи отъ перваго мужа; малыши таращили на новаго братца голубые глазенки, толкались, хихикали...

— Глянь-ка, глянь: на ногахъ лапти новые.

— На рубахѣ поясокъ плетеный...

— А глядитъ волкомъ...

— Какъ двинемъ,—станетъ поласковѣй...

Никита вцѣпился въ колѣни Аксиньи и спряталъ голову ей въ подолъ...

На порогѣ точно выросла коренастая фигура старухи, матери Мины.

— Будь здорова, Аксиньюшка,— сказала она степенно,— да никакъ ты внучка привела?—Добро пожаловать, Никеша... А вы чего, безстыжіе, буркалы пялите на мальчонка? Подь сюда, дитятко...

Обвѣтренное старческое лицо было серьёзно и ласково. Никита давно уже зналъ старушку и не боялся. Она протянула ему увѣсистый укругъ хлѣба, намазанный медомъ.

— Кушай, родимый, на здоровье; медку-то малость осталось съ прошлаго лѣта. А вы, пострѣлята, ступайте прочь...

— Береги Никешу, бабушка, — заговорила Аксинья дрогнувшимъ голосомъ,—а мнѣ домой пора; сама знаешь, нонѣ пора какая... Прощай, Никеша, свѣтикъ; не забывай, у отца живучи...

Мальчикъ повисъ у нея на шеѣ съ громкимъ плачемъ:

— Матушка... родимая...

Но работа не ждетъ, и Аксинья ушла.

Никита, всхлипывая, сидѣлъ на лавкѣ, а бабка унимала его. Мало-по-малу дѣтское горе стихло. Усталость взяла свое, и мальчикъ заснулъ тутъ же на лавкѣ, уронивъ укругъ съ медомъ...

Бабка подняла хлѣбъ, положила на столъ рядомъ съ Никитой, подсунула ему подъ голову старенькій зипунишко и пошла „обряжаться“ въ хлѣвъ, гдѣ у Мины телилась въ тотъ день корова.

Никита спалъ, порою всхлипывая во снѣ; въ избѣ было тихо; сквозь пузырь оконецъ сквозило весеннее солнце и дрожащими пятнышками прыгало по лицу мальчика, слѣпило ему глаза; въ солнечномъ лучѣ дрожала большая муха.

Разбудили Никиту дѣтскіе голоса...

— Гляди, муха въ ротъ влетитъ...

— Да никакъ онъ померъ?

— Погоди: засунемъ въ носъ соломинку,—живо встанетъ покойникъ...

Вѣки Никиты дрогнули. Маленькая рука своднаго брата тянулась къ нему съ соломинкой. Въ ту же минуту она отдернулась. Старческій голосъ сердито кричалъ:

— Ахти, страдники непутевые, накажи васъ Богъ!..

Никита вскочилъ, смущенно озираясь. Укруга съ медомъ какъ не бывало, а по перепачканнымъ лицамъ дѣтей мачехи было ясно, что укругъ пропалъ не безъ ихъ вѣдома.

Въ сѣняхъ слышался шумъ. Мина возвращался съ пашни, и жена торопилась накормить его обѣдомъ.

То былъ особенно чтимый Мордвою день посѣва. Мина зажегъ у иконы свѣчу и началъ громкимъ голосомъ:

— Дай Богъ, чтобы уродился хлѣбъ на всякомъ мѣстѣ, на горахъ и на долахъ, какъ у одного, такъ и у другого; на нищую братію, для всякаго добраго человѣка, для нашего скота. Дай Богъ, чтобы уродился хлѣбъ полный, какъ желтокъ куринаго яйца.

Въ благоговѣйномъ молчаніи слушала семья мордвина молитву; въ благоговѣйномъ молчаніи раздѣлилъ Мина три яйца на части и раздалъ каждому по кусочку, въ томъ числѣ и Никитѣ.

За столомъ на Никиту никто не обращалъ вниманія и онъ робко мокалъ деревянную ложку въ общую миску, доставая изъ нея кусочки вялепой рыбы.

Послѣ обѣда Мина снова ушелъ въ поле. Никита сидѣлъ на лавкѣ и думалъ о названной матери своей Аксиньѣ, у которой въ это время онъ бѣгалъ бы по огороду или копался бы съ нею въ рыхлой землѣ. И на душѣ у него было пусто...

— Эй, ты, боляринъ!—закричала на него изъ сѣней мачеха,—видно, Аксинья тебя ѣсть научила, а работы ты у нея и въ глаза не видывалъ? У насъ самъ хлѣбъ въ ротъ не полѣзетъ... Ступай за водой!..

Она сунула ему въ руки ведро и показала на ложбинку за огородъ, въ которую весенніе дожди нагнали много воды изъ ручейка.

Великъ былъ огородъ у Мины, и дѣтской рукѣ не разъ приходилось носить ведро съ водой изъ ложбинки. И еще оставалось три длинныхъ неполитыхъ гряды.

Никита стоялъ на крутомъ пригоркѣ возлѣ полнаго ведра и вытиралъ катившійся со лба потъ. Онъ былъ очень блѣденъ и тяжело дышалъ.

Изъ заросли лозняка вышла бабка, посмотрѣла на него участливо, молча взяла ведро и понесла къ невѣсткѣ.

— Почто мальчонку балуешь?—закричала Миниха на свекровь.—Эй, Никешка! бери ведро; въ отцовскомъ домѣ не житье лежебокамъ!

— Побойся Бога, невѣстка; подъ силу ли ведро дитяти?

Тогда Миниха разсвирѣпѣла:

— Аль я не Мины жена, а твоя батрачка? Я въ своемъ дому хозяйка! Ступай за водою, Аксиньинъ дармоѣдъ!..

Никита, глотая слезы, взялся за дужку ведра.

Насталъ вечеръ. Забившись въ старый зипунъ, служившій подстилкою для постели, Никита горько плакалъ... Это было его первое серьёзное дѣтское горе...

Кто-то тихо склонился къ его изголовью.

— Плачешь, ягодка? Не плачь... Никто, какъ Богъ...

То была не Аксинья, о которой мечталъ Никита въ эту темную безрадостную ночь: то была добрая бабка, мать Мины, и, припавъ къ ней на грудь, онъ долго беззвучно плакалъ...

Трещалъ сверчокъ за печкою въ душной весенней тьмѣ; храпѣли люди; гдѣ-то лаяла собака. Ночь повисла надъ селомъ... Въ тишинѣ звучали ласковыя слова старухи и баюкали Никиту...

II.

Никита прожилъ больше полугода въ избѣ у отца. Теперь мачеха уже не довольствовалась одною бранью, но часто

надѣляла пасынка и колотушками. И Никита покорился своей несчастной долѣ и не роптал. Только темными ночами мечтал онъ о лучшей жизни, и въ этихъ мечтахъ первое мѣсто занимали Аксинья и бабка.

Сначала бабка украдкой помогала внуку; брала часть его работы на себя, приносила ему потихоньку куски послаще, но за это ей шибко доставалось отъ невѣстки.

Никитѣ не приходило въ голову просить заступы у отца. Мина по цѣлымъ днямъ пропадалъ въ лѣсу, на рѣкѣ и въ полѣ, а Миниха была полновластною хозяйкой въ избѣ. Неразговорчиваго суроваго отца Никита боялся; мачеху—ненавидѣлъ.

Зимою бѣлымъ снѣгомъ замело село Вельдеманово, запорошило метелицей, покрыло саваномъ соломенныя крыши. И схоронились подъ бѣлымъ покровомъ убогія дымныя избы, длинныя гряды огородовъ, одинокія березы и рябины передъ окнами; зажглись лучины, завертѣлись веретена, застонали долгими вечерами унылыя пѣсни пряхъ, и вторила имъ вьюга... Было жутко по ночамъ...

Въ избѣ Мины въ желѣзномъ развилкѣ свѣтца дымила лучина. Ярче вспыхивало пламя; черная копоть поднималась къ потолку, потомъ пламя точно гасло; угли падали въ воду съ жалобнымъ шипѣніемъ... Миниха сидѣла у свѣтца за прялкой и мурлыкала пѣсни. А Никита смотрѣлъ изъ-за печки на склоненное надъ куделью лицо мачехи и чувствовалъ глухую безсильную вражду; горло его сжималось отъ слезъ, а подъ ложечкой мучительно сосало.

Мина уѣхалъ давно въ лѣсъ за дровами, и въ такіе дни Никитѣ особенно лихо приходилось отъ мачехи. За обѣдомъ, придравшись къ какому-то пустяку, она выгнала Никиту изъ-за стола, и послѣ того у него не было ни крошки хлѣба во рту. А дѣти мачехи послѣ сытнаго обѣда еще нѣсколько

разъ приходили въ избу за кусками и убѣгали играть въ снѣжки; вечеромъ они ушли поглядѣть на посидѣлки.

Веретено перестало жужжать; Миниха прислушалась къ вою вѣтра, съ сердцемъ отодвинула прялку и поднялась.

— Гляди за лучиной, дармоѣдъ! —крикнула она Никитѣ.— Надо моихъ пострѣлятъ домой приволочь! На дворѣ темень, а они гулянки надумали!

На печи завозилась старуха; зимою къ погодѣ у нея ломило ноги. Миниха злобно проворчала:

— Всѣ вы хлѣбъ Мины даромъ ѣдите!

И ушла, хлопнувъ дверью.

Никита давно уже лелѣялъ мысль стащить незамѣтно что-нибудь, чтобы утолить голодъ. Въ подпольѣ была свинина, масло, творогъ, вяленая рыба; въ избѣ въ скрынѣ Миниха держала на замкѣ даже хлѣбъ.

Мальчикъ разсчитывалъ, что мачеха задержится у какой-нибудь словоохотливой бабы, а въ ея отсутствіе онъ успѣетъ свершить свой набѣгъ на подполье.

— Куда ты, кормилецъ, полѣзъ?—спросила бабка,—ахти, узнаетъ змѣя подколодная!

Никита осторожно спускался въ подполье. При свѣтѣ лучины мелькнула его коренастая фигура въ заплатанной, грязной рубахѣ съ чужого плеча, босыя ноги, всклокоченная голова.

И уже былъ полонъ карманъ Никиты всякаго добра, когда въ сѣняхъ раздался визгливый голосъ мачехи, журившей дѣтей.

Никита судорожно схватилъ лѣстницу рукой и сталъ торопливо карабкаться вверхъ. Наконецъ, лохматая голова его показалась надъ отверстіемъ подполья. Въ это время мачеха вошла въ избу.

Сначала она точно опѣшила. Дерзость пасынка поразила ее. Потомъ, опомнившись, она завизжала, затряслась и, прежде чѣмъ Никита успѣлъ выскочить, поймала его за ухо:

— Ахъ ты, идолъ, страдникъ поганый! Въ подполье лазать? яйца красть?

На голову, на плечи, на грудь Никиты сыпались увѣсистые удары. Онъ закричалъ и уцѣпился за подолъ мачехи а подъ ногами его скрипѣла и гнулась старая лѣстница.

Съ печи кричала бабка:

— Что дѣлаешь, безстыжая? Брось! Убьешь мальчонку!

Что-то треснуло подъ ногами Никиты; перекладина старой лѣстницы покачнулась и обломилась; ноги почувствовали пропасть; Никита взмахнулъ руками и грохнулся внизъ... Дальше онъ ужъ ничего не помнилъ...

Сколько времени пролежалъ Никита безъ сознанія,—онъ не зналъ. Ему открыла подполье бабка.

— Никеша... касатикъ... подай голосъ... Никакъ мальчонка не живой?

— Живехонекъ,—буркнула Минниха, но вдругъ стала прислушиваться.

— Мамушка, тятя ѣдетъ, — сказалъ кто-то изъ дѣтей, равнодушно глазѣвшихъ на сцену колотушекъ.

Подъ окномъ послышались радостное ржаніе лошади и говоръ Мины:

— Ну-ну, родимая, пріѣхали... Тяжеленекъ возъ вывезла...

Слышно было, какъ визгнули ворота, какъ скрипѣлъ снѣгъ подъ полозьями дровней.

Минниха схватила лучину и наклонилась надъ подпольемъ:

— Никитка, полѣзай, что ль, вонъ! Да ты оглохъ? Никакъ онъ и лѣстницу обрушилъ, олухъ!

А Мина уже входилъ въ избу, запорошенный снѣгомъ, съ блестящей сѣдою отъ инея бородою, съ кнутомъ въ рукѣ, внося съ собою запахъ чистаго морознаго воздуха и клубы пара.

— Пошто вы у подполья возитесь, бабы? Аль что потеряли?

Старуха заголосила:

— Убила мальчонка твоя хозяйка! Вотъ те крестъ, убила; голоса не подаетъ!

Миниха сунула лучину въ развилку и попятилась назадъ; она хорошо знала, какъ свирѣпъ бываетъ Мина во гнѣвѣ.

— Самъ онъ, хозяинъ, Никешка-то...—бормотала она,— дѣтское дѣло, знамо... озорничаетъ... сблудить норовитъ, что котъ...

Изъ подполья не слышно было ни звука. Лицо Минихи покрылось смертельной блѣдностью. Она чуяла недоброе.

Мина взялъ лучину и склонился надъ подпольемъ. Онъ разглядѣлъ въ темнотѣ сломанную лѣстницу и бѣлую рубашку Никиты. Мальчикъ не шевелился. Тогда Мина спустился въ подполье, поднялъ сына и выпесъ наверхъ. На блѣдномъ вискѣ мальчика и на рукѣ виднѣлись кровавые подтеки.

Бабка мочила Никитѣ голову, плакала, причитала. Мина обернулся къ женѣ. Зубы его были крѣпко стиснуты. Онъ поднялъ оброненный кнутъ и сказалъ тупо, отчетливо, тяжело роняя слова:

— А ну, баба, подойди ближе!

Очнувшійся Никита плохо помнилъ потомъ, что тутъ было! Въ его глазахъ мутилось; отъ боли ныло все тѣло; а въ полутьмѣ избы металась и впзжала мачеха, и падали тяжелыя слова отца:

— Злыхъ да ядовитыхъ бабъ учить надобно... учить... учить...

Никита выздоровѣлъ скоро; но впереди его ждало несладкое житье. Съ того дня, какъ Мина побилъ жену, она при каждомъ удобномъ случаѣ вымещала свою злобу на

Никитѣ и на свекрови, а Мина не всегда все видѣлъ и не могъ заступиться.

Въ минуты особенно острой тоски Никита забирался на печку; здѣсь по ночамъ, прижавшись къ бабкѣ, онъ горько плакалъ; она утѣшала его, а порою разсказывала чудесныя длинныя сказки. Въ сущности, это были и не сказки, а сказанія о древней мордовской вѣрѣ, слышанныя старухой еще всегда отъ своихъ родителей.

Съ давнихъ поръ Мордва заселяла среднее Поволжье. Когда-то это было очень сильное чудское племя, и отношеніе Мордвы съ русскими было извѣстно уже одиннадцать вѣковъ, когда новгородскіе ушкуйники пробирались на востокъ. Позднѣе постепенно началось заселеніе его русскими тѣхъ краевъ; язычники-мордвины постепенно переходили въ христіанство; но христіанскія вѣрованія прививались къ мордвинамъ плохо; они постоянно мѣшали свои старые языческіе обряды съ новыми христіанскими и, поминая Богородицу, часто путали ее со своею главной богиней, обращаясь съ молитвой къ „богу боговъ“ и „матери-землѣ“.

И мать Мины не уставала разсказывать внуку наивныя сказки о своихъ старыхъ богахъ. Она разсказывала ему удивительныя вещи о богинѣ судьбы и пчеловодства; о богинѣ луговъ и огородовъ; о прекрасной Анге Патяй, единственной дочери Чамъ-Паса, которую мордвины называютъ часто „матушка-Богородица Анге-Патяй“.

— Никому не довелось увидѣть свѣтлыя очи Чамъ-Паса,— звучалъ старческій голосъ.—Великъ Чамъ-Пасъ.

— Гдѣ живетъ онъ, бабушка?

— Чамъ-Пасъ живетъ вездѣ, и всѣ въ его власти. Чамъ-Пасъ—владыка и творецъ; онъ даетъ людямъ добро.

— А Шайтанъ, отколь онъ взялся? Пошто Чамъ-Пасъ не убьетъ Шайтана?

И опять строго-проникновенно звучалъ голосъ старухи:

— Давно то было... Была земля и вода; не было на землѣ человѣка. Чамъ-Пасъ плылъ на камнѣ по морю-окіану и говорилъ: „Нѣтъ у меня брата, нѣтъ товарища, не съ кѣмъ мнѣ совѣтъ держать о твореніи. И нахмурились брови у великаго Чамъ-Паса, и закипѣлъ гнѣвъ въ его сердцѣ. И плюнулъ онъ на воды. И отъ этой гнѣвной слюны выросъ на водѣ превеликій бугоръ, и поплылъ тотъ бугоръ, черный да страшный, вслѣдъ за Чамъ-Пасомъ.

Жуть пробѣгала по тѣлу Никиты; онъ ясно видѣлъ безбрежныя воды и на нихъ гнѣвнаго Чамъ-Паса на камнѣ, за которымъ неслась, не отставая, черная нѣмая глыба гнѣва.

— Чамъ-Пасъ все творитъ и ничего не рушитъ,—продолжала старуха.—Кидалъ Чамъ-Пасъ черный бугоръ и нахмурился еще пуще, и ударилъ жезломъ по бугру, чтобы утопить его въ морѣ, а случилось иначе: жезлъ Чамъ-Паса творитъ жизнь, и зашевелился бугоръ, поднялись надъ водою руки, потомъ голова, и всталъ страшный, рыкающій, черный, въ гнѣвѣ рожденный и самъ гнѣвный Шайтанъ. И затрясло море, и затряслась земля... Чамъ-Пасъ милостиво сказалъ Шайтану: „Будешь отнынѣ мнѣ другомъ и помощникомъ“. И поднялъ голову Шайтанъ, и засмѣялся, и еще сильнѣе содрогнулась земля... И отъ рыканья его растрескалась земля, и закипѣло море, и поднялся вѣтеръ, и самъ Чамъ-Пасъ ужаснулся злобѣ своего товарища. И сказалъ онъ Шайтану: „Не на зло и бѣды я далъ тебѣ жизнь, но на добро. Не хорошо творить злое“... Но Шайтанъ все рыкалъ и смѣялся, и увидѣлъ Чамъ-Пасъ, что не станетъ онъ николи творить добро, и тихо со скорбію сказалъ ему: „Ступай отъ меня, Шайтанъ; ты не будешь мнѣ товарищемъ. Я творю доброе; ты—злое; я проклинаю тебя. Иди отъ меня въ преисподнюю, терзайся тамъ муками огня на вѣки вѣковъ“. И Шайтанъ ушелъ внизъ, въ страшную тьму преисподней...

— А на землю онъ ужъ не выходитъ, бабушка?

— Ахъ, кабы не выходилъ,—нешто бъ баба,—она кивала въ сторону невѣстки,—нешто бъ баба тебя обижала? Лукавъ Шайтанъ, а зло онъ творитъ землею.

— Землею? какъ землею?

— Когда Чамъ-Пасъ сотворилъ твердь и воду, повелѣлъ онъ достать Шайтану со дна моря земли и песку. Обернулся Шайтанъ сѣрой утицей, нырнулъ подъ воду и досталъ земли, да частинку ея утаилъ отъ Чамъ-Паса во рту. И когда Чамъ-Пасъ расписалъ лазоревой краской высь небесную, Шайтанъ умыслилъ злое: взялъ да и бросилъ на небо щепоть земли, и стала на лазоревомъ шатрѣ грязь; понесъ вѣтеръ по небу черные лоскутья, сухіе, безплодные, и заслоняли они красное солнышко; но добрый Чамъ-Пасъ обратилъ зло на добро, одарилъ тучи дождемъ и повелѣлъ дождю кропить землю. И разгнѣвался Шайтанъ и рыкалъ зѣло громко, и выбросилъ весь схороненный песокъ на землю, и изрылъ землю буграми, камнями, горами, чтобы трудно было человѣку растить на ней себѣ въ утѣху и пропитаніе травы и деревья.

— Злой Шайтанъ... Ну, а Чамъ-Пасъ?

— Чамъ-Пасъ опять зло обратилъ въ добро и повелѣлъ горамъ хранить желѣзо, самоцвѣтные камни, а по горамъ велѣлъ течь ручьямъ и рѣчкамъ.

— А Шайтанъ?

— Шайтанъ замутилъ рыканьемъ воды, напустилъ на нихъ вѣтры, поднялъ воды къ небу. Хотѣлось ему опрокинуть землю и небо,.. А Чамъ-Пасъ построилъ судно съ веслами, натянулъ парусъ и научилъ людей ѣздить по водѣ, какъ по суху.

Старуха смѣялась хитро и лукаво. Смѣялся и Никита.

— Шайтанъ оплевалъ людей,—сказала старая мордовка, вдругъ сдѣлавшаяся серьёзной,—и заложилъ въ нихъ зло

и хворь лютую, а Чамъ-Пасъ вложилъ въ нихъ добрую душу, далъ имъ разумъ. А когда Чамъ-Пасъ раздавалъ разумъ, твоя мачеха замѣшкалась... Охъ, Шайтанъ бродитъ по всей землѣ, по всему свѣту Божьему...

Никита задумчиво слушалъ.

— А что тамъ, бабушка, гдѣ небо съ землею сходится?

— Тамъ бродитъ Шайтанъ,—мрачно сказала старуха,—тамъ Москва. Тамъ жилъ московскій царь.

— Жилъ, сказываешь ты, а развѣ нонѣ не живетъ?

Старуха пожевала губами.

— Дѣло мое бабье,—не все я разумѣю, Никеша, а баютъ люди, будто на Москвѣ царя потеряли, и кто теперь царь, вишь ты, не вѣдаютъ; маленькаго царевича Димитрія будто зарѣзали, а на его мѣсто безъ счету ихъ, Димитріевъ-то, выросло, и который настоящій,—никто не вѣдаетъ,—Шайтанъ у всѣхъ на Москвѣ разумъ помутилъ.

— А кто царевича зарѣзалъ, баба?

— А кто ихъ вѣдаетъ,—зарѣзали, и все тутъ, а можетъ, и не зарѣзали, а такъ, только славу пустили. Шайтанъ и радъ: пущай всѣ люди передерутся. Ужъ одного царя Димитрія задавили или тамъ на куски разорвали; а то люди баютъ, будто онъ и живъ; сказываютъ, въ нѣкой землѣ дальней объявился съ Маринкой, женкой своей, а Маринка-то колдунья и безбожница, по ночамъ на метлѣ летаетъ, покойниковъ съ могилъ вызываетъ, младенческую кровь пьетъ. Косы у нея длинныя; подъ исподницей хвостъ; летитъ по небу, косами землю заметаетъ: гдѣ пролетитъ,—тамъ моря и рѣки съ береговъ выходятъ, огонь съ неба деревни зажигаетъ, земля трясется... А гдѣ та Маринка прослышитъ, что объявился воръ, баитъ: „то Димитрій московскій царь, а мой мужъ“. И еще сказываютъ, въ прошломъ годѣ, одного Димитрія,—вора аль царя, про то не вѣдаю,

убили, голову отсѣкли *), а Маринка такъ убивалась, что изъ слезъ ея рѣки потекли, допрежъ того невиданныя.

— А гдѣ нонѣ-то Маринка?—спрашивалъ Никита, замирая.

— Про то не вѣдаю, родимый. Сказываютъ, будто сидитъ она въ какомъ-то царствѣ-государствѣ, въ хоромахъ изъ чистаго золота, а Шайтанъ у нея сзади въ батракахъ, косу ей плететъ: сидитъ Маринка и колдуетъ, и грозитъ: дескать, коли вы моего сынка царемъ не поставите, нашлю на всю московскую землю великій гладъ, и трусъ, и моръ, и не останется на московской землѣ въ живыхъ ни одного человѣка. Такъ-то, кормилецъ; а правда ль то,—не вѣдаю...

Она замолкала, беззвучно шевеля старческими губами, а Никита прижимался къ ней, уходя съ головою въ мохнатую овчину тулупа, вдыхая крѣпкій запахъ шерсти, и грезилъ о колдуньѣ Маринкѣ, о сѣрой утицѣ Шайтанѣ и о великомъ мудромъ Чамъ-Пасѣ. Видѣлъ онъ ясно и безоблачный шатеръ лазури, и тучи, и первый бѣлый парусъ, летавшій голубемъ по волнамъ; видѣлъ, какъ въ нѣдрахъ горъ свѣтятся самоцвѣтные камни, а добрый Чамъ-Пасъ большой ладонью пересыпаетъ ихъ...

И, убаюканный грезами, засыпалъ онъ возлѣ бабки...

Но случалось, что мачеха съ колотушками снимала его съ печи и грозила ему, и называла его дармоѣдомъ...

Въ одно студеное утро рано поднялся Никита. Ему предстояла тяжелая работа: наносить изъ проруби въ кадку воды. Дѣтскія ноги подгибались подъ тяжестью; на берегу было особенно скользко отъ пролитой воды; руки Никиты дрожали и постоянно расплескивали воду; было такъ холодно въ эту зиму, что птицы замерзали на лету и падали на землю. А окоченѣвшій ребенокъ тащилъ въ гору ведра...

*) Здѣсь рѣчь идетъ о Лжедмитріи, Тушинскомъ Ворѣ, убитомъ въ 1610 году.

Тусклый разсвѣтъ чуть пробивался сквозь пузырь окопъ, когда Никита принесъ послѣднее ведро: мачехины дѣти еще мирно спали на лавкахъ, но въ избѣ, кромѣ нихъ, никого не было; мачеха съ бабкой возились въ хлѣву; отецъ уже дня три, какъ уѣхалъ въ городъ. Никита стоялъ посреди избы и грѣлъ дыханіемъ свои посинѣлыя руки, прыгая, чтобы согрѣться, потомъ вспомнилъ о печкѣ, въ которую лазалъ въ особенно сильную стужу, вскарабкался на ошостокъ, а потомъ отодвинулъ заслонку и забрался въ печку. Никита думалъ о томъ, что успѣетъ согрѣться; какъ только онъ услышитъ шаги мачехи въ сѣняхъ, такъ и вылѣзетъ...

Въ печкѣ было тепло; ноги Никиты сначала ныли, а потомъ по всему тѣлу разлилась пріятная теплота и истома.. Никита свернулся клубочкомъ, подложилъ подъ голову кулакъ... Ему было такъ хорошо... не хотѣлось шевелиться... сладкое оцѣпенѣніе сковало члены, и онъ заснулъ...

Проснулся Никита отъ невыносимой духоты. Кругомъ было темно: дымъ щемилъ горечью горло; нечѣмъ было дышать...

Никита закричалъ; голосъ его терялся въ горячей мглѣ... Онъ собралъ послѣднія силы, еще разъ отчаянно крикнулъ и потерялъ сознаніе...

Задушенный крикъ Никиты услышала старая мать Мины съ порога избы и вытащила мальчика почти безъ сознанія, чернаго отъ сажи...

— Шайтанова дочка,—закричала она, обращаясь къ невѣсткѣ,—пропасть тебя возьми, окаянную! Сгубила мальчонку, и впрямь сгубила! Нешто не вѣдала, какъ клала дрова, что мальчонка въ печи? Померъ Никешенька, померъ!

Никита не померъ; онъ скоро пришелъ въ себя и испуганно спряталъ голову на груди бабки: онъ боялся колотушекъ...

Но мачеха слишкомъ испугалась и сорвала свое сердце бранью:

— Куда только страдникъ не угодитъ! И угомона на него нѣтути! Коли я тебя еще въ печкѣ найду,—живому тебѣ не быть!

Вечеромъ Миниха припомнила угрозы свекрови пожаловаться Минѣ и отколотила Никиту за то, что, будто бы, онъ принесъ мало воды въ кадку, отколотила и выгнала на улицу.

Смеркалось. Въ вечернемъ свѣтѣ сѣрѣли колеи вельдемановской дороги; длинныя гряды на огородѣ, покрытыя снѣгомъ, казались унылыми могилами; сугробы снѣга были нѣжно голубые, и ласково-мягко мигали въ крошечныхъ оконцахъ огоньки лучинъ; и добродушно-ласково тявкала гдѣ-то собака.

Иззябшій мальчикъ съ распухшимъ отъ слезъ лицомъ стукнулъ въ оконце крайней избы. Отодвинулась лубяная доска волокового окна, и въ него высунулась голова въ бабьей кикѣ.

— Никеша, родной, ты?

Въ отвѣтъ прозвучалъ полный невыплаканныхъ слезъ и обиды голосъ:

— Ма... матушка... я...

Женщина замахала руками и закашлялась; волоковое оконце закрылось; хлопнула дверь, и кто-то выбѣжалъ изъ избы, и чьи-то руки обвились вокругъ шеи ребенка, и кто-то радостно и сокрушенно зашепталъ:

— Никеша, родный... пошто ты? Ну, пишкин... ступай сюда... Охъ, грѣхи... уморитъ она тебя, душегубка окаянная... заколѣлъ мальчонка...

И опять онъ былъ въ той избѣ, гдѣ протекли его первые младенческіе годы, и бился головой въ судорожныхъ рыданіяхъ на той груди, которая его вскормила, видѣлъ ласковые, милые глаза и разсказывалъ свои дѣтскія обиды...

Аксинья слушала его, гладила, утѣшала, потомъ стала хлопотать у стола, собирая кокоры и яичницу, совала ему за пазуху сдобные колобки, и, когда наклонялась къ нему, онъ видѣлъ, что ея глаза и ротъ стали такими странными, такими большими, а скулы такъ рѣзко выдавались, и было въ ней что-то новое, скорбное, отъ чего сжималось сердце невѣдомой тоскою.

И, поставивъ передъ Никитой чашку щей, она отвернулась и залилась сухимъ, рвущимъ на части ея грудь кашлемъ...

Никита положилъ ложку и испуганно смотрѣлъ на названную мать.

— Недужно мнѣ, Никеша,—сказала она и улыбнулась.— Недолго мнѣ, поди, на семъ свѣтѣ маяться... И сны такіе вижу, желанный. Смерти не боюсь; только тебя жалко...

И поникла головою...

III

Была цвѣтущая весна; земля справляла свою свадьбу съ солнцемъ; былъ чудесный свѣтлый день, когда вся Мордва молилась прекрасной вѣчно-юной дѣвѣ-богинѣ Анге-Патяй, и въ честь нея мордовскія дѣвушки пѣли пѣсни. И голоса ихъ сливались съ тысячеголосыми звуками зеленаго лѣса, и была въ нихъ радость жизни и ликующій призывъ къ любви и свободѣ.

Въ душистыхъ вѣнкахъ, съ вѣтками березъ, шли мордовскія дѣвушки вереницей вдоль вельдемановской улицы къ густому лѣсу, гдѣ среди мохнатыхъ елей сквозили, точно кружевныя, березы, шли и тянули протяжную пѣснь въ честь Анге-Патяй.

Анге-Патяй, свѣтлая дѣва,
За тучами въ высяхъ небесныхъ жилище твое...
Въ высяхъ небесныхъ хранишь ты
Души, еще не рожденныя,

Души людей, травъ сѣмена...
Бѣлой голубкой летишь ты на нивы,
Сыплешь зерно...
Анге-Патяй, свѣтлая дѣва,
Дай утѣхи и намъ, дай любовь жениховъ!

Никита лежалъ на мягкой кочкѣ, на спинѣ, подъ сѣнью развѣсистой ели, слушалъ пѣсни дѣвушекъ, доносившіяся до него изъ глубины лѣсной заросли, и улыбался.

Было сладостно тихо кругомъ. Въ ближней дикой яблонькѣ, усыпанной съ маковки до низу бѣлоснѣжнымъ цвѣтомъ, гудѣли пчелы; гдѣ-то нѣжно, грустно и ласково чирикала лѣстная пташка; высоко, на верхушкѣ сосны, стучалъ дятелъ, а вокругъ по мшистымъ кочкамъ сновали неугомонные муравьи. И солнечный свѣтъ ложился пятнами на заросль папоротника, на праздничную рубаху Никиты. И было сказочно-красиво отъ этихъ прыгающихъ пятенъ, пробивающихся сквозь кружевную сѣтку березъ; шелестѣли нѣжно вѣтви деревьевъ, и ласкали, баюкали душу лѣсные шорохи и шумы.

Два года жилъ Никита у отца, и эти два года оставили въ душѣ его тяжелый слѣдъ. Онъ смотрѣлъ волчкомъ, мало говорилъ и почти не смѣялся, но зато много думалъ. За эти два года въ душѣ мальчика шла несмѣнная внутренняя работа. Разсказы бабки объ языческихъ богахъ его предковъ, о добрѣ и злѣ, о тяжелой жизни и несправедливости; побои мачехи, непосильный для ребенка трудъ и тоска по чему-то лучшему создали въ душѣ Никиты цѣлый новый міръ, и онъ полюбилъ мечты. Онъ забывалъ тяжелую дѣйствительность и уносился далеко, въ чудную обитель дѣвы Анге-Патяй, матери животворящей природы, и отцу ея Чамъ-Пасу, созидателю добра. Ему страстно хотѣлось примирить Чамъ-Паса съ Шайтаномъ, заставить послѣдняго склониться передъ вѣчною правдою и справедливостью. Ему хотѣлось

страстно побѣдить зло. И, уходя въ лѣсъ, онъ весь отдавался мечтамъ...

До слуха Никиты доносились дѣвичьи голоса:

Анге-Патяй, свѣтлая дѣва,
За тучами въ высяхъ небесныхъ жилище твое...

Никита улыбался и думалъ:

„Придетъ Чамъ-Пасъ и укротитъ мачеху... А я буду терпѣть...“

Дикая яблоня осыпала Никиту бѣлымъ дождемъ: вились въ воздухѣ лепестки цвѣтовъ, а въ нихъ вились тяжелыя отъ цвѣточной пыли пчелы...

Никита думалъ:

— Назаремъ-Пасъ, богъ лупы, ночи и зимы унесъ душу моей матери, когда я родился, а этой зимою, когда вьюга заметала избы, унесъ и душу моей названной матери Аксиньи. Но я стану терпѣть, стану терпѣть! Придетъ на землю добро, и Шайтанъ станетъ добрый, и мачеха станетъ доброю...

Дѣвичьи голоса умолкли; послышался ревъ быка и гоготанье гуся. Никита прислушался, всталъ и пошелъ къ опушкѣ лѣса. Онъ вспомнилъ, что сегодня назначенъ *моляньъ* (моленіе) въ священномъ *керемети* (мѣстѣ моленія) подъ святымъ дубомъ.

За зарослью, на полянѣ, увидѣлъ Никита односельчанъ, выстроившихся тремя колоннами: мужчины, дѣвушки и женщины лицомъ на западъ. На солнцѣ ослѣпительно блестѣли длинныя бисерныя серьги женщинъ и дѣвушекъ, старинныя серебряныя деньги на ихъ шеяхъ, пестрѣли высокіе дѣвичьи головные уборы, перевитые лентами и стеклярусомъ.

У столба метался рыжій безъ отмѣтинки быкъ; красивое животное изгибало голову съ налитыми кровью глазами, старалось освободить шею отъ веревки, и въ этомъ движеньи было отчаянное стремленіе поднять на рога перваго, кто

приблизится къ нему, чтобы воткнуть въ горло жертвенный ножъ. Возлѣ быка гоготалъ бѣлый гусь, высоко поднявъ длинную гибкую шею... А подъ священнымъ дубомъ надъ костромъ клокотала вода въ огромномъ котлѣ, гдѣ должно было вариться жертвенное мясо; легкій паръ поднимался къ темно-зеленымъ вѣтвямъ и уходилъ въ небо вмѣстѣ съ черными клубами дыма, и въ дыму серебромъ отливала длинная борода мордовскаго старшины, и торжественно звучалъ старческій голосъ:

— Сакмеде [1]).

И среди воцарившейся тишины суровымъ призывомъ звучатъ слова мордовской молитвы:

— Пуре пре за марта... пойгуре за марта... андря за марта [2]).

— Чамъ-Пасъ—помилуй насъ!—подхватили хоромъ голоса молящихся,—Анге-Патяй, умоли за насъ!

Въ толпѣ была и мачеха Никиты. Онъ смотрѣлъ на ея благоговѣйно склоненную голову и думалъ о томъ, что когда-нибудь Анге-Патяй и ее заставитъ быть добрѣе.

Вода закипѣла; легкій паръ поднимался выше и уплывалъ въ небо, сливаясь съ барашками облаковъ; темная листва дуба шумѣла, и Никитѣ слышался въ этомъ шумѣ любовный шопотъ Анге-Патяй, и когда онъ взглянулъ вверхъ, бѣлое облачко, плывшее по лазури, показалось ему громадною птицей, какою являлась иногда Анге-Патяй людямъ, а солнечные лучи длиннымъ золотымъ хвостомъ чудесной птицы, и онъ прищурился, чтобы лучше разсмотрѣть, какъ она станетъ разсыпать по полямъ и лугамъ сѣмена жизни.

Но на молянъ Никита не пошелъ, чтобы не попасться на глаза мачехи, а повернулъ въ лѣсъ и побрелъ напрямикъ, пробираясь сквозь заросли, прыгая по кочкамъ въ болот-

---

[1]) Молчите.

[2]) Общій смыслъ этого возгласа—приглашеніе усердно молиться.

цахъ, гдѣ бѣлѣли весеннія нѣжно-пахнущія метелочки бѣлыхъ пушистыхъ цвѣтовъ и глядѣли таинственно изъ глубины болотистыхъ оконъ бѣло-зеленыя воронки ужовника... А издали все тише и тише долетали до него слова мордовской молитвы:

— Чамъ-Пасъ, воззри и прими!

— Сакмеде!

Голоса затихли, и Никиту охватила лѣсная глушь, таинственная и жуткая, ласковая и отрадная. Бѣжалъ и, журча, скрывался въ камняхъ воркотливый ручеекъ; къ прозрачно-чистой водѣ склонилась блѣдно-зеленая осока; струйки бѣжали, омывая спутанные корни темноствольной раскидистой липы, и глядѣли въ небо голубыми глазами незабудки, а подъ обточенными камнями катилась съ рокотомъ вода и уходила, точно проваливалась подъ коряги, въ подземную глубь...

Гдѣ-то тихо куковала кукушка. Унылъ былъ ея голосъ и будилъ воспоминанія о гнѣвѣ справедливой Анге-Патяй, наказавшей ее бездомовьемъ.

Что-то хрустнуло въ заросли; метнулась вспугнутая пташка и поднялась въ чащу деревьевъ, тяжело взмахивая крыльями, и опять гдѣ-то хрустнуло. Ужъ не лѣсной ли то лютый звѣрь?

Никита раздвинулъ ивнякъ. Передъ нимъ стояла дѣвочка, лѣтъ шести. Было у нея круглое личико, голубые глаза, милые и испуганные, а въ рукахъ она держала охапку полевыхъ цвѣтовъ. Увидѣвъ Никиту, дѣвочка вздрогнула и заплакала, закрыла лицо руками, ладонями кверху, какъ плачутъ самыя маленькія дѣти.

Никита наклонился, поднялъ разсыпавшіеся цвѣты и, подавая ихъ дѣвочкѣ, ласково сказалъ:

— Ишкши... чего плачешь... Нешто я волкъ? Чай, не съѣмъ... А отколь ты будешь и какъ сюда попала?

Дѣвочка все еще продолжала плакать. Тогда Никита досталъ изъ-за пояса маленькую тростниковую дудочку и, чтобы потѣшить ребенка, прiложилъ ее къ губамъ. Долгiй протяжный стонъ прозвучалъ въ тишинѣ лѣса, еще и еще, и заплакали, задрожали нѣжные переливы.

Дѣвочка перестала плакать; руки ея опустились; съ изумленiемъ смотрѣла она на Никиту.

А тростникъ выводилъ, выговаривалъ наивную народную пѣсенку, и вдругъ затрещала частая дробь, залилась дудочка соловьемъ...

На щекахъ у дѣвочки показались ямочки.

— Соловейка,—засмѣялась она.

— Соловейка... А вотъ, слушай: ку-ку-ку-ку... ку-ку!

— Кукушка!

— Вбыльная кукушка, слышь, отзывается... О гнѣздѣ плачетъ...

— Гдѣ гнѣздо-то?

— А нѣту у нея гнѣзда вовсе, у кукушки. Анге-Патяй отняла у нея гнѣздо. Не хотѣлось кукушкѣ нести много яйцъ, а яйца нести ей велѣла Анге-Патяй,—ну за то Анге-Патяй и отняла у нея гнѣздо...

Дѣвочка смотрѣла на него во всѣ глаза.

— Анге-Патяй?—повторила она,—какая Анге-Патяй?

Никита широко махнулъ по воздуху рукой.

— Ну, да, Анге-Патяй... мы всѣ молимся ей,—сказалъ онъ тихо.

Дѣвочка покачала головою.

— А я не молюсь,—раздумчиво возразила она, сдвинувъ тонкiя брови,—меня батя училъ молиться Божьей Матери.

Никита тряхнулъ головою.

— Ну да, Божьей Матери—Анге-Патяй!

Она посмотрѣла на него опять съ изумленiемъ.

— Не вѣдаю... что баишь...

— А тебя какъ звать-то? отколь ты будешь?—спросилъ Никита.

Дѣвочка оглянулась, растерянно и смущенно, и не знала, въ какую сторону ей указать на свое жилище, неопредѣленно повела головою и вдругъ жалобно протянула:

— Настя я... Колычевская Настя... Павлушка привелъ, а гдѣ село,—не вѣдаю...

Она не могла объяснить, какъ зашла вглубь, гоняясь за бабочками и собирая цвѣты, и какъ братъ Павлуша потерялъ ее, но вспомнила все, и уже снова сложила губы въ плаксивую гримасу:

— Па-а-велъ...

Никита присѣлъ передъ Настей на корточки. Въ первый разъ ему пришлось стать защитникомъ обиженной; до сихъ поръ обижали лишь его.

— Па-а-велъ...

— Ишкни, Настюшка, я Павла тебѣ найду... я и Колычево знаю... духомъ добѣжимъ... Давай руку; духомъ, говорю, добѣжимъ...

Въ это время съ ближней вѣтки спустилась птица.

Настя затряслась отъ страха и схватилась за рукавъ Никиты. И они побѣжали напрямикъ, черезъ кочки, черезъ густую чащу, пока не добрались до поляны, откуда, какъ на ладони, было видно село Колычево. Настя увидѣла знакомую волнистую гряду полей. Вдаль убѣгали колычевскія нивы; ходилъ по нимъ вѣтеръ, и бѣжали сѣрыя сизовато-зеленыя волны до самыхъ убогихъ избенокъ, надъ которыми ярко блестѣлъ золотой крестъ деревенской церкви.

— Гдѣ живешь?—спросилъ Никита.

Она показала рукою на церковь.

— А вотъ гдѣ!

— Одна добѣжишь?

Но Настя крѣпко держала его за руку.

Никита зашагалъ съ нею по узкой межѣ, напрямикъ къ селу.

Когда дѣти подходили къ церкви, у частокола сада стоялъ священникъ въ домотканномъ подрясникѣ, опирался на лопату и задумчиво смотрѣлъ вдаль, кого-то поджидая. Увидѣвъ Настю, онъ ласково закивалъ ей головою.

— Кого привела, дочка? Отколь ты, дитятко?

Настя, смѣясь, обвила отца руками и лепетала о томъ, какъ ее потерялъ Павелъ, какъ она испугалась медвѣдя, какъ наткнулась на Никиту, какъ Никита ей игралъ на дудочкѣ и какъ привелъ ее домой.

Въ саду у колычевскаго отца Ивана чудесно пахло мятой. Отецъ Иванъ окапывалъ яблони, и черная земля мягкими, жирными глыбами окружала темно-сѣрый стволъ. Въ сторонѣ чернѣли длинныя грядки; рядомъ въ рѣшетѣ лежало сѣмя, а издали, отъ ульевъ, неслось немолчное гудѣніе пчелъ, и носились онѣ точками вокругъ темныхъ старыхъ колодъ.

И такимъ миромъ, ладомъ, ласковою тишиною повѣяло на забитаго мальчика, отъ этого садика, отъ улыбающагося лица отца Ивана, что ему захотѣлось подольше не уходить отсюда, подольше слушать пчелиный гулъ, смѣхъ Насти и мягкій голосъ отца Ивана.

Священникъ гладилъ Настю, слушалъ ея лепетъ и кивалъ головою.

— А вотъ и Павлуша!..—закричала Настя и спряталась за отца.—Скажи, батя, Настю волки съѣли...

Она присѣла на корточки, задыхаясь отъ счастливаго смѣха; но братъ уже кричалъ издали:

— Не хоронись! Не схоронишься!

Павелъ обрадовался, что сестренка нашлась; у него отлегло отъ сердца, когда онъ увидѣлъ ее возлѣ отца; по не-

знакомый мальчикъ смутилъ его. Большими сѣрыми глазами онъ вопросительно смотрѣлъ на Никиту.

— Чего глядишь, ровно чудо увидѣлъ?—засмѣялся отецъ Иванъ.—Ты, озорникъ, потерялъ сестру, а другой нашелъ...

Настя смѣялась.

— А ты бы, батюшка, допытался: какая тамъ Анге у него кукушкѣ гнѣзда вить не велѣла...

— Анге-Патяй,—поправилъ укоризненно Никита.

Отецъ Иванъ, живя бокъ о бокъ съ мордвинами, хорошо зналъ ихъ свычаи, обычаи и вѣру.

- Божью Матерь они такъ называютъ, Настя,—сказалъ онъ тихо и ласково добавилъ:—а ты чего, паренекъ, стопшь? Шелъ бы въ садъ; коровай хлѣбца Настя вынесетъ, и медку малость есть попотчевать... Опричь того, милый, не взыщи... Проголодался, поди, по лѣсу плутавши?

Въ саду гудѣли пчелы; у частокола сладко пахло мятой. Никита послушно и радостно вошелъ въ маленькую калитку. Неужели золотые дни его ранняго дѣтства вернулись? неужели матушка родная съ матушкой названной вымолили ему у Бога радость?

— Ступай и ты, Павлуша... Вишь, у насъ—гость.

Скоро Никита сидѣлъ на скамейкѣ въ саду у отца Ивана, съ аппетитомъ закусывая бѣлымъ сдобнымъ короваемъ, и слушалъ тихую рѣчь отца Ивана о Богѣ, о Божьей Матери, объ ангелахъ и архангелахъ и о достойныхъ Божьихъ угодникахъ, что живутъ вдали отъ утѣхъ мірскихъ въ пустыняхъ. И уходило на покой солнце: и вспыхивало на западѣ краснымъ полымемъ; ясно звучалъ ласковый голосъ отца Ивана, и все, что онъ говорилъ, было такъ полно любви и ласки, и, странное дѣло, разсказы отца Ивана о благости Божьей какъ-то сливались съ разсказами бабки-мордовки о старыхъ мордовскихъ богахъ, о благости Чамъ-Паса и Анге-Патяй.

Никита собрался идти домой, когда солнце было совсѣмъ низко. Прощаясь, отецъ Иванъ благословилъ Никиту.

— Ходи къ намъ слово Божье слушать, разумникъ,— сказалъ онъ привѣтливо.

— Спасибо, батюшка.

Когда Никита вышелъ на дорогу, онъ долго смотрѣлъ съ горы въ ту сторону, гдѣ блестѣлъ золотой крестъ убогой церкви села Колычева.

Съ тѣхъ поръ онъ сталъ бѣгать въ Колычево, пользуясь каждымъ удобнымъ случаемъ.

Разъ за ужиномъ Мина сказалъ женѣ:

— Шелъ это я лѣсомъ, апъ глядь,—навстрѣчу мнѣ отецъ Иванъ, колычевскій батька. И отколь только меня знаетъ?— Отпусти, говоритъ,—ко мнѣ сына Никиту, я его грамотѣ, уму разуму выучу. Худо ему у меня не будетъ. Мудрый на свѣтѣ не пропадетъ; послѣ самъ мнѣ спасибо скажешь.

— Ты и отпустишь?—спросила Миниха.

— Отпустилъ; для чего не отпустить?

— Ну, и дурень,—проворчала тихо Миниха и вдругъ взбѣсилась:—да пошто только грамоту придумали? Жили мы безъ нея, и дѣды наши жили, и прадѣды! А мальчонка былъ дармоѣдомъ, такъ ты его...

Но Мина оказался не въ духѣ; скоро ему надоѣли причитанія жены; онъ такъ хватилъ по столу кулакомъ, что на немъ заплясала миска со щами. Миниха замолчала, кинувъ злобный взглядъ на пасынка.

Этотъ день рѣшилъ судьбу Никиты: онъ сталъ теперь открыто ходить въ Колычево учиться и почти переселился къ отцу Ивану.

IV.

Дѣти колычевскаго священника съ Никитой со всѣхъ ногъ бѣжали отъ озерка, гдѣ они ловили рыбу. Въ ведеркѣ у

нихъ плескалось нѣсколько рыбешекъ. Настя проспла пустить ихъ обратно въ воду; Павлуша увѣрялъ, что отецъ ждетъ ухи.

Дѣти проспорили до самаго дома, потомъ чистили рыбу, варили уху и уплетали ее съ аппетитомъ, сидя вокругъ одной объемистой миски.

— Пошто, Никита, насупился, ровно кого схоронилъ?— спросилъ отецъ Иванъ.

Никита опустилъ голову. Старая дѣтская привычка таиться не покинула его за эти два года знакомства съ семьею колычевскаго священника, и потому онъ молчалъ.

— Да Никита сказывалъ, раздался голосъ Павлуши,— будто не возьметъ въ толкъ, кто праведникъ. Тотъ ли праведникъ, кто Бога чтитъ, аль тотъ, что людей?

— Не возьму и я что-то въ толкъ, какой-такой праведникъ? Сказывай прямѣе, миляга.

— Да вотъ сказываетъ Никита: добрѣе его бабки на землѣ не найти, а она по-своему молится и разнымъ чудамъ мордовскимъ вѣритъ; а вотъ будто недалече, на селѣ Григоровѣ отецъ Петръ, попъ, баютъ, жену чуть въ сердцахъ не убилъ: такъ кто праведнѣе?

Глубокая складка легла между бровями у отца Ивана.

— Дивно!—прошепталъ онъ.—Невеликъ паренекъ-то: двѣнадцатый годокъ пошелъ, а старика смутитъ...

Онъ смущенно покашливалъ, не зная, что отвѣтить ученику, и чувствуя, какъ съ каждымъ днемъ становится все труднѣе удовлетворять запросамъ его пытливаго ума. И, чтобы положить конецъ неловкому молчанію, отецъ Иванъ всталъ и громогласно прочелъ молитву.

— А ты бы попусту не мудрствовалъ,—сказалъ онъ Никитѣ,—а почиталъ бы святыхъ отцовъ творенія. Они больше насъ съ тобою про все вѣдали.

Снявъ съ полки книгу, отецъ Иванъ протянулъ ее мальчику.

— Душеполезное чтеніе святóго псалмопѣвца.

Никита открылъ кожаный переплетъ псалтиря. Въ это время въ раскрытую дверь просунулась мохнатая голова Мины.

Онъ молча перешагнулъ порогъ, молча перекрестился на иконы, земно кланяясь, и подошелъ подъ благословеніе отца Ивана.

— А вотъ послушай-ка, Мина, — обрадовался отецъ Иванъ, — какъ сынокъ твой читаетъ; слова, ровно жемчугъ, нижетъ: одно къ одному... Читай, Никита, чигай...

Звучный голосъ Никиты началъ:

— Сердце мое и плоть моя возрадовашеся о Богѣ живѣ... Ибо птица обрѣте себѣ храмину и горлица гнѣздо себѣ, идѣ же положи птенцы своя...

Мина плохо понималъ, но чувствовалъ, что мальчикъ читаетъ бойко. Отецъ Иванъ радостно кивалъ головою.

— Сладкоглаголивый сынокъ-то, а?

Мина почесалъ въ затылкѣ.

— Сладкоглаголивъ-то онъ, сладкоглаголивъ,—проговорилъ мордвинъ, тяжело переминаясь съ ноги на ногу,—а только онъ мнѣ дома надобенъ.

Отъ неожиданности отецъ Иванъ даже привскочилъ.

— Ну, другъ!—сказалъ онъ и развелъ руками.

— Научили вы его уму-разуму,—продолжалъ Мина,—и на томъ вамъ спасибо, а дальше учить не надобно: не по нашему то обиходу. Не въ попы я его прочу, а за борону и соху. Скажи спасибо, Никеша, батюшкѣ за наставленіе, за хлѣбъ, за соль, да за ласку, за берегу великую, да и домой собирайся. Нонѣ лѣто стоитъ погожее, — работы не приработаешь, — съ ногъ безъ тебя сбились. Сбирайся домой, сынокъ.

— Да ты бы погодилъ, Мина,—пробовалъ его уговорить отецъ Иванъ, но Мина уперся на своемъ.

— Пріохотится и къ землѣ мальчонка,—говорилъ Мина,—земля съ поконъ вѣка насъ кормила.

И такъ же внезапно, какъ попалъ Никита въ Колычево, такъ изъ него и исчезъ.

Провожая его за околицу села, Настя горько плакала; Павелъ крѣпился. И долго еще, оборачиваясь, Никита видѣлъ вдали алый платочекъ Насти, который безпомощно трепалъ вѣтеръ.

Началась страдная пора, и въ Колычево Никитѣ ходить было недосужно...

Мачеха попрежнему косилась на Никиту, попрежнему придиралась къ нему; дѣти мачехи сторонились, а отецъ всегда былъ занятъ, угрюмъ и необщителенъ. Съ годами бабушка начала прихварывать, стала робкой и забитой и потеряла всякое вліяніе въ семьѣ. Никита переносилъ свои горести одинъ, по теперь уже не съ тѣмъ робкимъ приниженнымъ покорствомъ, какъ въ дни ранняго дѣтства. Каждый разъ на окрикъ мачехи онъ отвѣчалъ упорнымъ тяжелымъ взглядомъ, который онъ упаслѣдовалъ отъ Мины, и подъ нимъ опускался кулакъ мачехи, и она бормотала, что это не ребенокъ, а дитя самого Шайтана.

Никита пересталъ ея бояться; онъ видѣлъ въ Колычевѣ иную жизнь, жизнь, согрѣтую любовью; онъ много наблюдалъ и узналъ право человѣка на лучшую долю. Никита пересталъ бояться ея и началъ ненавидѣть.

А мечты попрежнему уносили его далеко, сулили иную жизнь, иное счастье.

Гдѣ-то тамъ, въ невѣдомомъ краю, было спрятано счастье Никиты, была спрятана правда. Долгія бесѣды съ отцомъ Иваномъ, чтеніе, разсказы захожихъ странниковъ будили въ душѣ мальчика неясное стремленіе уйти въ пустынь, отказаться отъ міра, слиться съ прекрасной природой и искать въ ней Бога. Быть пустынникомъ, надѣть схиму, отречься

отъ всего земного,—это было стремленіе, очень распространенное въ то время, и была въ этомъ стремленіи тоска по чему-то недосягаемому, манящему, какъ та далекая черта горизонта, которую никто никогда не переступалъ.

Сняли съ полей хлѣбъ; увезли на возахъ золотыя груды сноповъ; порѣдѣлъ старый лѣсъ, подернулся пурпуромъ, засіялъ золотомъ, и сухіе листья уже грустно шуршали подъ ногами. Собирались стаями перелетныя пташки и тянулись въ полуденный край, и отъ этихъ черныхъ стай, ползущихъ подъ низко надвинутыми на землю тучами, отъ печальныхъ птичьихъ криковъ щемило сердце сладкой и нѣжной болью.

Разъ подъ вечеръ сѣдой странникъ забрелъ къ Минѣ во дворъ и сталъ проситься переночевать. И когда онъ отвязывалъ отъ шеи сумку съ подаяніемъ и отряхивалъ съ порыжѣлаго подрясника дорожную пыль, и гладилъ сѣдую рѣдкую бороденку, Никита не спускалъ съ него глазъ. Не спускалъ онъ глазъ со странника и потомъ, когда тотъ сидѣлъ за ужиномъ. Было въ выцвѣтшихъ глазахъ старика какое-то особенное выраженіе неземной печали, глубокой отвлеченной думы, отрѣшенности отъ всего мірского, чего-то пережитого, глубоко схороненнаго въ тайникахъ души. Казалось, онъ ѣлъ, говорилъ, двигался, а думалъ о другомъ гораздо болѣе высокомъ и важномъ, на что ушли всѣ его силы, за что онъ отдалъ всю свою жизнь.

— Пошто, отче, по міру бродишь?—спрашивалъ Мина.

— А пошто мнѣ не бродить?

Голосъ былъ кроткій и какъ будто даже снисходительный.

— Давеча, какъ вошелъ ты, отче, такъ гораздо перхалъ; хворый, вишь, ты, а бродишь. Сидѣлъ бы дома.

А гдѣ у меня домъ?—усмѣхнулся старикъ, и взглядъ его сталъ опять непроницаемымъ.

— Аль ты безъ роду, безъ племени, человѣкъ Божій?

И опять тонкая улыбка пробѣжала по блѣднымъ губамъ старика.

— А то было въ старые годы, въ великую разруху земли русской; былъ у меня и домъ, и жена, и дѣти, а на Москвѣ въ тѣ поры государь Иванъ Васильевичъ Грозный, царство ему небесное, тѣшился... Облыжно ему донесли на насъ, будто мы ему—вороги, извести царскій родъ, дескать, вѣдовствомъ хотимъ; налетѣли на дворъ мой царскіе опричники, разорили... жену... дѣтей... э, да что было, то былью поросло. Ушелъ я въ тѣ поры бродить по свѣту, не мало чего довелось повидать... про старое житье забылъ... молюсь за вороговъ, за всѣхъ людей, за убійцъ, за разбойниковъ,— за всѣхъ молюсь...

Никита не спускалъ глазъ со старика. Голосъ его звучалъ ровно, спокойно даже тогда, когда онъ разсказывалъ, какъ царь Иванъ Грозный „тѣшился съ опричниками“ въ его дому. Чего только не видѣлъ и не зналъ этотъ человѣкъ? И Никитѣ страстно захотѣлось уйти за нимъ въ невѣдомые края, бросить, какъ онъ, родной домъ, отрѣшиться отъ всего, что было мило и дорого, перестать ненавидѣть всѣхъ, кто когда-либо сдѣлалъ ему зло, и молиться за нихъ, а главное уйти на край свѣта...

Размѣренно звучалъ голосъ старика:

— Нынѣ нешто легче жить, чѣмъ въ пору царя Грознаго? Та же разруха, то же нечестіе, та же мерзость на міру. Самозванныхъ царей немало появилось; Маринка-безбожница немало надъ православными тѣшилась, пока съ тоски по своей волѣ не померла на Москвѣ въ темницѣ. Прошли будто бы смуты; выбрали бояре царя, а развѣ правда есть на Руси? Молодъ государь, охъ, молодъ, и боязно, коли Русью, какъ встарь, станутъ править бояре, какъ въ пору малолѣтства Грознаго правили. Чего не изнесла рус-

ская земля? Ляхи, что пять лѣтъ Смоленскъ осаждали, и нонѣ на Русь зубы точатъ, царевича своего на престолъ московскій поставить норовятъ... о, Господи!

Старикъ всталъ изъ-за стола, осѣнилъ себя истовымъ крестомъ и прочелъ молитву.

— А ты отсель въ какіе края идешь, отче?—спросилъ Мина.

— А къ преподобному Макарію на Унжу. Хорошо тамъ привольно, пѣніе по церквамъ сладкогласное; житіе мирное обхожденіе братіи чинное. А кругомъ благодать: тишь лѣсная, воздухъ легкій .. Отдохну тамъ, Богу помолюсь, поживу себѣ, да и дальше...

— А далече отсель та обитель, отче?—спросилъ Никита, задыхаясь.

— Аль въ обитель захотѣлъ, инокъ Божій?

Никита опустилъ голову.

— Гдѣ ему обитель!—отозвался небрежно Мина, - дома работы—непочатый край. Дни становятся маленькіе; скоро Симеонъ Лѣтопродавецъ [1]) придетъ, а за нимъ и осень. Молотить надо, а не по обителямъ расхаживать. Помолись ужъ ты за насъ, отче. А спросилъ онъ, видно, потому, что жалко ему стало тебя, отче: много тебѣ ходьбы. Какой дорогой идешь на монастырь?

— А пойду все къ полночи, мимо Колычева, послѣ на Волгу выберусь, а тамъ и къ Макарію на Унжу. Дальше ходилъ,—не робѣлъ, а тутъ далече ли? Казны у меня нѣтути; весь я тутъ. Кто на меня позарится?

Онъ сталъ раздѣваться, потомъ долго молился, кладя земные поклоны передъ иконою, и долго ворочался на печкѣ и вздыхалъ. Наконецъ, все затихло...

Не спалъ только Никита и прислушивался къ ночнымъ шорохамъ, къ біенію своего сердца и думалъ о словахъ ста-

---

[1]) 1 сентября.

рика, о безпечной жизни въ пустынькахъ, и ему хотѣлось плакать отъ безсилья, отъ небрежности жизни въ этой темной тѣсной избенкѣ, среди дыма и копоти, попрековъ, и дрязгъ, и брани...

На зарѣ странникъ ушелъ, а Никита затосковалъ.

Днемъ въ вырытой сажалкѣ онъ мочилъ съ отцомъ ленъ, и на этотъ разъ запахъ гніющаго льна казался ему невыносимымъ. А раньше онъ не замѣчалъ этого запаха. Мрачнѣе тучи вернулся онъ домой, а когда шелъ лѣсомъ, листья шуршали у него подъ ногами, а съ деревьевъ осыпало золотомъ и багрянцемъ, и рвались и таяли въ воздухѣ нити бабьяго лѣта, и пахло пьянымъ осеннимъ ароматомъ, и было томительно грустно на душѣ... А когда Никита взглянулъ вверхъ, по небу тянулась длинной вереницей птичья стая... Куда летѣли птицы? Куда тянуло ихъ все выше, выше, дальше бѣлыхъ облаковъ?

Два дня томился Никита болѣзненной тоской по невѣдомой дали...

Было раннее утро; чуть брезжилъ свѣтъ. Мина до свѣту уѣхалъ на мельницу, и Никита всталъ тоже до зари. Онъ стоялъ на крыльцѣ и пугливо озирался. За плечами его болталась котомочка изъ грубаго холста. Робко сбѣжалъ онъ по ступенькамъ внизъ, а потомъ перелѣзъ черезъ частоколъ и побѣжалъ задами села, напрямикъ, къ колычевской дорогѣ...

У околицы Колычева Никита остановился, но не свернулъ къ церкви, гдѣ въ березкахъ и яблонькахъ тонула избушка отца Ивана, а только тоскливо посмотрѣлъ въ ту сторону, увидѣлъ мелькнувшую на крылечкѣ знакомую, немного согбенную фигуру въ подрясникѣ и пустился, что было силъ, бѣжать дальше, держа путь на сѣверъ.

Никита плохо зналъ дорогу. Онъ примѣчалъ ее по солнышку и порой приходилъ въ отчаяніе, когда тропинки

развѣтвлялись и бѣжали въ разныя стороны сѣткою и путались, терялись въ чащѣ тайболы [1]). А то иной разъ передъ нимъ вставалъ размытый весенними дождями оврагъ; журча, бѣжалъ внизу ручей и свѣшивались надъ нимъ перепутанныя вѣтви ольхи, и колокольчики, голубые и лиловые, манили внизъ, и не было прохода ни взадъ, ни впередъ.

Никита шелъ цѣлый день. Онъ боялся погони и вздрагивалъ при каждомъ шорохѣ. Вверху, въ самомъ калтусѣ [2]), гдѣ царили всегда трепетныя золотистыя сумерки, лѣсъ кишѣлъ всякимъ звѣрьемъ. Было жутко при мысли о встрѣчѣ съ медвѣдемъ, и въ темныхъ стволахъ вездѣ чудилась бурая медвѣжья шкура. Вверху, среди зеленой сѣтки вѣтокъ, прыгали бѣлочки, роняя внизъ крупныя шишки; гдѣ-то печально кричала иволга. И, несмотря на лѣсные шумы и шорохи, въ тайболѣ царила таинственная жизнь; казалось вотъ-вотъ сдвинется зеленая стѣна, сплетутся сѣткой зеленыя вѣтви и навсегда похоронятъ человѣка...

Никита перескакивалъ съ кочки на кочку и искалъ въ чащѣ дороги. Лѣсъ сомкнулся кольцомъ и шумѣлъ, и шепталъ что-то непонятное, что-то полное глубокаго значенія и необъяснимой грусти. Внизу кое-гдѣ поблескивали окна топей; въ воздухѣ стоялъ пряный запахъ болотнаго багуна, отъ котораго кружилась голова; среди сѣроватыхъ жирныхъ листьевъ голубики мелькали пятна мшистыхъ кочекъ, а тамъ, гдѣ былъ чистый мохъ, гдѣ рѣдѣли деревья, мелькала, какъ рубины, клюква; ноги, то и дѣло, проваливались въ топь, но, почувствовавъ узловатые корни, бодро выбирались вверхъ, и, опираясь на сучковатую палку, Никита шелъ дальше. И вдругъ его охватилъ ужасъ. По тайболѣ

---

[1]) Тайбола—глухой дремучій хвойный лѣсъ.

[2]) Калтусъ—непроходимая чаща.

кто-то крался; ясно слышался хрустъ вѣтокъ, падали обламываемые сучья, хлюпала подъ чьими-то ногами вода.

Раздвинувъ осторожно вѣтви, Никита увидѣлъ человѣка, сидѣвшаго на полянѣ и спокойно уплетавшаго кусокъ хлѣба. Онъ узналъ странника, недавно ночевавшаго въ Вельдемановѣ.

„Значитъ, дорогу я вѣрно взялъ“, подумалъ Никита и хотѣлъ схорониться отъ старика, но подъ ногами у него хрустнула вѣтка, и по безмолвной тайболѣ пошелъ гулъ.

Старикъ вскочилъ и осѣнилъ себя крестнымъ знаменіемъ, потомъ повернулся и рѣшительно пошелъ навстрѣчу Никитѣ.

— Съ нами крестная сила! Отколь ты, паренекъ? Съ лица какъ будто знакомъ. Не ночевалъ ли я у васъ?

Никита опустилъ глаза.

— Не вѣдаю я тебя, отче,—прошепталъ онъ,—сирота я круглый, а иду изъ-за Кудьмы [1]). Съ малолѣтства я мыкаюсь по селамъ, Христовымъ именемъ промышляю.

— Сердешный!—участливо отозвался странникъ.—И то, товарищемъ мнѣ будешь. Неровенъ часъ, напужаешься: здѣсь нонѣ всякаго народа немало таскается; вдвоемъ-то и веселѣе, да и не такъ опасно. Ты куда путь держишь, миляга?

Никита, не задумываясь, отвѣчалъ:

— Къ преподобному на праздникъ [2]).

— И то дѣло. Къ празднику наѣдетъ купцовъ да бояръ въ обитель видимо-невидимо, одѣляютъ щедро нищую братію.

Онъ безпечно закинулъ котомку за спину, оперся на дубинку и зашагалъ, слегка сгорбленный, но подвижной и легкій. Никита слѣдовалъ за нимъ.

---

[1]) Кудьма—рѣка Княгининскаго уѣзда, Нижегородской губ.

[2]) Храмовой праздникъ Фрола и Лавра (18 августа) въ Желтоводской макарьевской пустыни.

Тайбола кончалась; рѣдѣли деревья; лучи заходящаго солнца сквозили между деревьями, прыгали пятнами по зеленой муравѣ, золотили верхушки деревьевъ и зажигали стволы сосенъ краснымъ горячимъ свѣтомъ. И вдругъ солнце стало огромнымъ, пурпурнымъ, въ багрянцѣ заката. Лѣсъ кончался; начиналось раменье [1]). Изъ травы выглядывали шапочки рыжиковъ, а между ними краснѣли мухоморы.

— А вѣдь теперь до Волги-то, пожалуй, рукой подать, сказалъ старикъ. — А все жъ заночевать въ лѣсу придется. Гляди, рыжички-то, ровно пуговки, наскакали. Веселѣй итти, свѣтлѣе будетъ. Усталъ, поди, мальчонка? Погоди; скоро придемъ на отдыхъ!

И, тряхнувъ головой въ черной скуфейкѣ, онъ зашагалъ дальше и запѣлъ чистымъ, совсѣмъ молодымъ голосомъ:

— Пречудная Царица, Богородица!
Услыши молитвы грѣшныхъ рабовъ Своихъ
Призри наши слезы горючія!
Не лиши насъ царствія небеснаго,
Избави насъ муки вѣчныя...

По раменью бѣжала, змѣилась дорога; дорога та вела прямо къ Волгѣ...

И уже давно мальчикъ и старикъ шагали рядомъ и оставили далеко позади себя Волгу съ лѣсистыми берегами и поемными лугами, и недалеко уже была обитель.

Близился вечеръ. Зажигались первыя звѣзды, свѣтлыя, робкія, на чистомъ прозрачномъ небѣ, и луна серпомъ прорѣзала блѣдную лазурь. Тихо было на полянѣ у перелѣска.

Старикъ и мальчикъ сидѣли у костра. Въ травѣ стрекотали кузнечики. На свѣтломъ небѣ вырисовывались сурово высокіе стога сѣна.

— А вѣдь то монастырское сѣно, парень,—сказалъ старикъ,—никакъ мы у обители.

[1]) Опушка, отъ слова обрамлять.

Точно въ отвѣтъ, раздался гулкій звонъ монастырскаго колокола. Старикъ перекрестился.

— И то обитель; колоколъ къ службѣ братію призываетъ, дитятко. Ну, Никеша, нонѣ намъ до обители не дойти,— скоро ворота закроютъ; придется переночевать тутъ, а по утру чуть свѣтъ тамъ будемъ. Завтра въ обители великій праздникъ.

Въ кострѣ разсыпались уголья; сизый дымъ тянулся кверху густой струею и расходился тонкими нитями; въ мокрой росистой травѣ ковали кузнечики; блѣдный серпъ луны былъ уже высоко; строго чернѣли стога сѣна, а въ зарослп неподалеку плакалъ, какъ ребенокъ, сычъ. И пахло осенью.

Старикъ вынималъ изъ золы печеные рыжики, обжигалъ руки и торопилъ Никиту:

— Ѣшь, кормилецъ, да и спать пора. Завтра чуть свѣтъ подниматься. А и тепло, а и благодать же, Господи! Благодареніе Тебѣ... жизнь-то, жизнь,—душа не нарадуется!

Онъ замолчалъ, улыбаясь сухими безкровными губами, и, закинувъ голову, любовно и мечтательно заглядѣлся на звѣзды.

— Ишь, одна душенька ко Господу пошла, Никеша...

Звѣзда скатилась, оставляя на небѣ свѣтлый слѣдъ...

Забрезжила заря, и путники уже были далеко отъ мѣста ночлега и еще до восхода солнца вышли изъ перелѣска надъ Унжею.

Показались монастырскія стѣны; въ сумеречномъ утреннемъ свѣтѣ сіяли кресты надъ двумя деревянными церковками во имя Преподобнаго Макарія и во имя Фрола и Лавра. Возлѣ воротъ столпились возы, тяжелыя, какъ дома, колымаги; слышались споры, говоръ: блестѣлъ червчатый и таусинный [1]) бархатъ и камка на опашняхъ боярскихъ; мель-

---

[1]) Красный и зеленый.

кала фата и шубки боярынь и боярышенъ; гудѣла толпа простыхъ богомольцевъ, и слышалось нудное пѣніе нищихъ Божьихъ людей, тянувшихъ Лазаря:

Скричалъ богатый на брата своего:
„Лежишь ты, убогій, во Божьемъ труду,
Во Божьемъ труду, самъ весь во гною...“

Уныло звучали голоса слѣпцовъ вѣчнымъ укоромъ судьбѣ. Въ пыли сидѣли они, съ непокрытыми головами, поджимали подъ себя ноги, вытягивали увѣчныя руки, иныя въ ранахъ, иныя съ кривыми изсохшими пальцами, смотрѣли въ глаза проходившимъ богатымъ богомольцамъ незрячими глазами и тянули жалобно, склоняя надъ деревянными чашками почти до земли сѣдыя отъ пыли головы.

Владыка со небесъ ему Самъ душу питалъ,
А псы ему раны зализывали...

Убогіе Божьи люди выставляли напоказъ отвратительныя язвы, стонали и кланялись; гроши со звономъ падали въ деревянныя чашки...

Старикъ и мальчикъ вмѣстѣ съ толпою вошли въ монастырскія ворота.

Низенькія кельи братіи прятались въ кустахъ жимолости, лозняка и березъ. Черныя фигуры въ молчаніи проходили черезъ дворъ и исчезали въ полумглѣ церкви, гдѣ таинственно мигали огоньки свѣчекъ. Стройно звучало церковное пѣніе, и колыхались синія волны кадильнаго дыма.

А новыя толпы все прибывали и прибывали; онѣ уже наполнили всю церковь, притворъ, хлынули волною на паперть и запрудили часть двора. Въ толпѣ Никита потерялъ своего спутника.

Душная мгла церкви была пропитана запахомъ розоваго масла, воска и ладона; плыли звуки молитвъ; плыли синія мглистыя струйки изъ кадильницъ. Босоногій, бѣдно-одѣ-

тый мальчикъ лежалъ ничкомъ на плитахъ каменнаго пола и со слезами молился о чемъ-то большомъ, невѣдомомъ и важномъ, чего жаждала смутно его душа. Кто-то наклонился къ мальчику и поднялъ его.

— Служба кончилась,—прозвучалъ тихій голосъ,—почто лежишь, о чемъ убиваешься? Шелъ бы на паперть; тамъ богатые нищую братію одѣляютъ. Не пойдешь,—свое упустишь.

Никита растерянно посмотрѣлъ на говорившаго. То былъ священникъ.

— Не вѣдаю, куда идти, отче,—сказалъ онъ.

— Такъ нешто ты въ обители впервой?

— Впервой, отче.

— А съ кѣмъ пришелъ? Съ отцомъ—матерью?

— Одинъ я пришелъ, отче; былъ со мною старецъ-товарищъ,—да гдѣ-то запропастился.

— А для чего пришелъ сюда? Завѣтался, что ли?

Никита опустилъ глаза.

— Въ обитель я пришелъ жить, отче.

Старикъ внимательно взглянулъ на мальчика.

— А гдѣ отецъ—мать твои?

— Не имѣю я ни роду, ни племени; бездомный я, отче.

Никита солгалъ снова; онъ думалъ, что иначе его не примутъ въ монастырь.

Священникъ молчалъ, окинувъ съ ногъ до головы пристальнымъ взглядомъ дѣтскую фигурку.

— Невеликъ ты еще, а инъ ладно,—вымолвилъ священникъ,—ступай въ трапезную да тамъ пожди. Трапезы нашей братской отвѣдай. А я игумену доложу. Какъ изъ трапезной выйдешь, ступай ко мнѣ въ келью: священника отца Арсенія спроси.

V.

Въ кельѣ у отца Арсенія теплились лампады. Въ раскрытое оконце врывались пышныя вѣтви калины съ начинавшими краснѣть ягодами, и солнечные лучи, слабо пробиваясь въ полутемную келью, смѣшивались съ желтымъ свѣтомъ огня, таинственнымъ и робкимъ.

Отецъ Арсеній сидѣлъ за простымъ грубо сколоченнымъ дубовымъ столомъ и слушалъ юнаго послушника, склонившагося надъ книгою. Звучный голосъ послушника красивыми переливами разносился подъ сводами кельи.

— Слышите убо, царіе, и разумѣйте, и накажитеся судія концемъ земли, внушайте содержаніе множества и гордящіеся о народѣхъ языкъ, яко дана бысть отъ Господа держава вамъ и сила отъ Вышняго...

— Погоди,—перебилъ послушника отецъ Арсеній, и умное лицо его затуманилось,—погоди, Никита, дай слово молвить. Не возможно мнѣ понѣ внимать, какъ должно, святое слово Божіе,—думы мои разбѣгаются; вѣсти въ обитель идутъ дивныя...

Никита закрылъ книгу.

— Вѣсти, отче?

— Предивныя, сынъ мой, я тебѣ о нихъ повѣдаю. Дошли, вишь ты, вѣсти о чудесахъ, что творятся въ обители нашей у гроба преподобнаго, до Москвы, до самаго Верху [1]), и восхотѣлъ государь великій побывать къ намъ, а владыка [2]) въ томъ государя понуждаетъ: зѣло, будто, умиленъ душою патріархъ. Игуменъ сказываетъ: готовься, братія, къ великому дню: государь къ намъ въ убогую обитель пожалуетъ.

---

[1]) Верхомъ называется дворецъ царскій.

[2]) Отецъ царя Михаила Оеодоровича, патріархъ Филаретъ.

Никита встрепенулся. Три года провелъ онъ въ монастырѣ, и за эти три года въ жизни его не было никакихъ перемѣнъ,—жизнь текла мирная, тихая повседневно, и пріѣздъ царя являлся необычнымъ событіемъ, способнымъ перевернуть весь строй монастыря.

— Нешто про то была царская памятка, отче?

— Чудеса нашей обители стали вѣдомы государю. Исцѣлившихся у гроба Макарьева, почитай, что сотня человѣкъ, вишь ты, а про тѣ чудеса государевъ бояринъ князь Дмитрій Михайловичъ Пожарскій отписалъ владыкѣ-патріарху, что отъ Макарьева отъ чудотворца образа въ его, князь-Дмитріевѣ, помѣстьѣ въ Пурецкой волости [1]) чудеса и исцѣленье многимъ людямъ. Безпремѣнно государь къ намъ пожалуетъ. Игуменъ ужъ задумалъ для государя великаго, для его челяди покои новые выстроить, нонѣ мнѣ сказывалъ, да на тебя, вишь, что-то мѣтитъ.

— На меня?

Густая краска залила щеки Никиты.

— На тебя. О начитанности божественнаго писанія, о мудрости твоей спрашивалъ. У насъ мало-кто и грамотѣ-то изъ братіи знаетъ, а ты, Никита, премудръ,—не даромъ я тебя Божьей мудрости училъ... А теперь ступай; притомился я...

Никита вышелъ, задумчивый и смущенный.

Онъ подошелъ къ монастырской оградѣ. Калитка была открыта, и въ нее виднѣлась темная чаща лѣса. Издалека, грустно и жалобно, куковала кукушка. Красные стволы сосенъ пламенѣли, облитые солнечнымъ свѣтомъ; прекрасенъ былъ Божій міръ. Среди тишины гулко раздавался гдѣ-то далеко мѣрный стукъ топора. Въ лѣсу рубили деревья.

Къ Никитѣ подбѣжали два молоденькихъ послушника.

---

[1]) Въ Нижегородской губ.

— Гляди, Симко, молчальникъ...

— Пошто носъ повѣсилъ, Никита?—спросилъ одинъ, Богдашко, котораго за звонкій голосъ выбрали дьячкомъ, и еще не успѣлъ Никита отвѣтить, какъ онъ затараторилъ:

— Лучше бы шелъ къ игумену, спросился бы съ нами погулять; вонѣ воздухъ легкій, пташки такъ и заливаются, а ты да Ларька все въ кельѣ у отца Арсенія азы читаете,— и какъ не тошно...

Симко говорилъ о сынѣ отца Арсенія, бывшемъ на послушаніи у игумена.

— Да вонъ и игуменъ самъ идетъ,—подхватилъ Богдашко.

Никита колебался потому, что не любилъ послушниковъ; но чаща лѣса манила, и онъ отправился навстрѣчу отцу Зосимѣ.

За настоятелемъ шелъ худенькій юноша, почти мальчикъ, Иларіонъ, и слушалъ молча какія-то распоряженія. Повернувшись къ Никитѣ, Зосима благословилъ его.

— Молчальникъ,—сказалъ онъ своимъ тихимъ голосомъ, поглаживая длинную серебряную бороду,—не мало, я чай, онъ постигъ мудрости у твоего отца, Иларіонъ. Просить о чемъ-то хочешь? Проси, проси.

И когда Никита выразилъ свое желаніе погулять по лѣсу вмѣстѣ со служками, игуменъ закивалъ головою.

— Нъ, ладно, ступай да Иларіона съ собою бы взялъ,— другого молчальника; пташекъ Божьихъ бы послушали, да за одно и поглядѣли бы у коряковской мельницы, много ль муки смелено, что на рѣчкѣ Вотгати, да подлѣ много ли лѣсу вырубили. Ступайте, милые.

Чаща коряковскихъ вотчинныхъ угодьевъ охватила послушниковъ. Они подвигались впередъ въ зеленыхъ сумеркахъ лѣса, полнаго таинственной тишины, и примѣчали тропки, что вели къ мельницѣ. Лѣсная рѣчка Вотгать омы-

вала корявые узловатые корни ветелъ, купавшихъ свои вѣтви въ водѣ.

Лучи солнца, падая отвѣсно, бросали свѣтлыя пятна на воду, и она искрилась серебромъ и алмазами. Бѣлыя кувшинки покачивались надъ круглыми листьями, и надъ бѣлоснѣжною чашечкой вился, жужжа, невѣдомый жукъ, садился на лепестки, забирался на самую глубь цвѣтка и поднимался, желтый отъ цвѣточной пыли. У плотины кипѣла вода; огромные жернова медленно поднимали цѣлый каскадъ брызгъ. Сѣдой мельникъ, бѣлый отъ муки, старался перекричать яростно ревущую воду.

— Ужо нонѣ муки кулей тридесять въ обитель отправляю... Вода не спитъ!

И темная пасть мельницы поглотила его.

Послушники подвигались дальше. У каждаго въ рукахъ было по корзинѣ. Тутъ и тамъ выглядывали шапочки крѣпкихъ боровичковъ и подосиновиковъ; мелькали сыроѣжки всѣхъ цвѣтовъ, и уже давно были полны грибами корзины послушниковъ...

Послушники держали путь къ сторожкѣ лѣсника. Иларіонъ съ неопредѣленной улыбкой, опустивъ глаза, говорилъ Никитѣ:

— Гляжу я это на тебя, Никеша, и мыслю: умнѣе тебя нѣтъ въ монастырѣ. Вмѣстѣ учились мы у батюшки, апъ ты далече меня обогналъ. Начнешь говорить о священномъ писаніи, поученіями такъ и сыплешь. А у меня память, что рѣшето.

Онъ помолчалъ и потомъ снова мечтательно заговорилъ:

— Люблю я жизнь въ обители! Встанешь это рано на зорькѣ,—благодать; пташки поютъ и человѣка не боятся: приручилъ я изъ лѣсу прямо въ келью къ себѣ летать горлинокъ да овсянокъ; таково-то сладко щебечутся, Господи!

Кажинный день служба; благолѣпіе, утѣха, радость... Николи я не покину обители... а ты, вѣдаю, покинешь...

Никита вздрогнулъ.

— Я?!

— Ты. Чудится мнѣ, тебѣ въ міръ захочется, аль хоть не въ міръ, такъ въ другія мѣста...

Никита остановился.

— Да никакъ мы заблудились,—сказалъ онъ.

Симко и Богдашко засмѣялись.

— Нешто не видишь, куда мы пришли: къ самой Волгѣ.

Лѣсная заросль стала рѣже; открылась поляна, красная отъ липкой дремы; дальше тянулось болото, и на вѣтру качались тонкія метелочки пушистыхъ болотныхъ цвѣтовъ.

То былъ берегъ Волги. Сдѣлавъ нѣсколько шаговъ по полянѣ, послушники очутились надъ обрывомъ. Внизу длинная коса врѣзалась въ рѣку. Вода размыла ее, и она почти превратилась въ островъ.

— Куда завели вы насъ? — спросилъ Никита и нахмурился.

— Къ колдуну зашли мы, смиренникъ, вотъ куда. Всякому охота знать свою судьбу.

На косѣ, среди рѣдкихъ березокъ и ольшанника, видѣлась земляпка. Она до того заросла травой, что ее трудно было различить отъ сосѣднихъ пригорковъ.

Богдашко, повидимому, не одинъ разъ заходившій сюда, приложилъ руку къ губамъ трубою и закричалъ во всю полноту своей богатырской груди:

— Ого-го-го! Дя-а-дя!

Послышался хриплый голосъ, бормочущій что-то непонятное, потомъ унылая мордовская пѣсня...

— Марья плачетъ...
Гдѣ плачетъ?
Посреди рощи,
На ровной полянѣ.
Какъ она плачетъ?
— Какъ она плачетъ?
Какъ кукушка кукуетъ,
Какъ береза качается...

Въ отверстіи землянки выросло что-то огромное, бѣлое, и, тяжело опираясь на палку, показался громадный мордвинъ въ бѣломъ холщевомъ балахонѣ съ большими серебряными бляхами на груди; на головѣ его былъ мѣховой колпакъ.

— Съ нами крестная сила!—сказалъ Иларіонъ и попятился,—да никакъ мы пришли къ самому Верьгишки [1]).

Верьгишки былъ знаменитый мордовскій колдунъ, нагонявшій трепетъ на мѣстное населеніе; къ нему приходили издалека и мордвины, и русскіе, — всѣ одинаково вѣрили, что Верьгишки можетъ приворожить счастье, наслать бѣду, грозу, градъ, даже моръ и голодъ; что Верьгишки подвластны всѣ духи тьмы.

Богдашко смѣялся:

— А ты, Ларька, ужъ и напужался, что красная дѣвица! Не пужайся хоть ты, Никита; давай, узнаемъ судьбу.

Никита нахмурился. Иларіонъ шепталъ:

— Охъ, Никеша, гляди... быть бѣдѣ. Нашлетъ онъ на насъ поганую нечисть: безбожникъ онъ, язычникъ... кому молится только, помысли!

Но Никита не слушалъ. Міръ мордвиновъ-язычниковъ былъ слишкомъ близокъ ему съ дѣтства. Онъ тряхнулъ головою и широко зашагалъ по узкой косѣ къ землянкѣ.

---

[1]) Верьгишки въ переводѣ съ мордовскаго—лѣсной пчельникъ.

— Добро пожаловать,—по-мордовски вымолвилъ колдунъ и тяжелымъ взглядомъ уставился на Никиту, не шевелясь, заслонивъ своею массивной фигурой входъ въ землянку.

Внимательно вглядывался мордвинъ въ лицо мальчика, и въ глазахъ Никиты онъ прочелъ недѣтскую думу. Было что-то особенное въ сильной фигурѣ послушника-подростка; было что-то особенное въ его крѣпко сжатыхъ, рѣзко очерченныхъ губахъ, упрямое, твердое, почти властное.

— Войди,—сказалъ Верьнишки коротко и пропустилъ мимо себя Никиту.

Никиту охватила душная мгла, слабо озаренная гаснущей лучиной. По стѣнамъ висѣли какія-то деревяшки съ зарубочками и сухія травы; воздухъ былъ спертый, тяжелый; пахло дурманомъ; у ногъ терлась черная кошка.

Старикъ поправилъ лучину; въ вспыхнувшемъ ярко свѣтѣ лицо его было торжественно, и зловѣще звучалъ голосъ:

— Какого ты рода?

— Простого рода, незнатнаго,—отвѣчалъ Никита.

Колдунъ бросилъ въ огонь щепоть какой-то травы. Она вспыхнула ярко; густой дымъ пошелъ кверху. Старикъ засмѣялся.

— Старый Верьнишки говоритъ тебѣ,—проникновенно прозвучалъ его голосъ,—старый Верьнишки, кого боятся люди и любятъ боги! Ишкенде-Тевтяръ, богиня судьбы,—любитъ тебя... Слушай, слушай: ясна судьба твоя для вѣщаго Верьнишки! Ты будешь великимъ государемъ надъ царствомъ Россійскимъ.

Глухой стонъ вырвался изъ груди Никиты. Блѣдный, растерянный, онъ долго молча смотрѣлъ на колдуна, потомъ, не говоря ни слова, повернулся и пошелъ прочь. И когда онъ вышелъ изъ душной тьмы землянки, ему показалось, что онъ вернулся на землю изъ преисподней.

Колдунъ не пустилъ къ себѣ больше никого изъ товарищей Никиты. Онъ стоялъ на порогѣ, все такой же громадный, грузный, и тяжелымъ вѣщимъ взглядомъ смотрѣлъ на нихъ. Ему не трудно было предсказать этимъ немудренымъ людямъ, судьба которыхъ была ясно видна у нихъ на лицахъ: пробудетъ до смерти въ рабскомъ подчиненіи простачокъ Симко; немного хорошаго ждетъ вороватаго Богдашку; мечтательный Иларіонъ не способенъ бороться съ жизнью, и жизнь затретъ его, но прекрасная душа, стремящаяся къ Богу и правдѣ, дастъ ему возможность подняться выше окружающихъ. И онъ сказалъ Иларіону:

— Будешь начальникомъ надъ малыми... будешь пещись объ убогихъ... Все сказалъ старый Верьпшки... все сказалъ..

И массивная фигура колдуна скрылась въ темной пасти землянки.

VI.

— Зѣло добро и благолѣпно, дѣти мои,—говорилъ игуменъ Зосима, съ довольнымъ видомъ обходя въ послѣдній разъ вокругъ новенькихъ, обширныхъ, только что выстроенныхъ келій.—Почестно будетъ принять государя великаго, егда пожаловать изволитъ.

Деревянныя кельи протянулись врядъ вдоль рва на западной сторонѣ монастыря. Монастырскіе зодчіе до того старались, что вывели даже въ шатровой рѣзи чудесныхъ сказочныхъ инроговъ, птицъ сирина и алькопоста,—любимые образы старой Руси. Въ открытыя окна наскоро вставлялась слюда, присланная богатыми боярами въ даръ обители.

Былъ сентябрь на исходѣ; листья кружились по монастырскому двору, и въ крѣпкомъ осеннемъ воздухѣ чувствовалась живительная свѣжесть. Плотники забивали послѣдніе гвозди, дѣлали послѣдній осмотръ работы. Игуменъ Зосима говорилъ:

— Благодареніе Господу, дѣтушки, нонѣ мы кончили трудъ во имя Преподобнаго; приспѣло время принять дорогого гостя; глядите же, чтобы все было у насъ пристойно, чинно; пишутъ, будто государь уже въ Костромѣ; къ Покрову безпремѣнно сюда пожалуетъ, а съ нимъ и государыня-мать, благородная инокиня Марѳа Ивановна, и челяди всякой немало. Ты, Никеша, станешь замѣсто Богдашко, а Богдашко голосъ имѣетъ звонкій, переливчатый, — пущай себѣ на клиросѣ поетъ.

Съ того дня въ монастырѣ еще ретивѣе стали готовиться къ встрѣчѣ царя. Провѣтривали, сушили вновь отстроенныя хоромы; обставляли утварью, присланною щедрыми жертвователями.

Сентябрь подходилъ къ концу. Уже пришла вѣсть, что царь близко; но по расчетамъ монаховъ онъ не могъ дойти до обители Макарія къ Покрову, какъ думалъ, потому что богомольное путешествіе утомительно и требуетъ по дорогѣ роздыха, особенно для пожилой инокини Марѳы, матери царской.

Въ Покровъ на зарѣ въ обитель пришла царская вѣсть, что государь-де встрѣчаетъ праздникъ въ Спасской пустыни на Унжѣ, за двадцать верстъ отъ Макарія, а послѣ праздника къ чудотворцу пожалуютъ пѣши.

На другой день Покрова съ ранняго утра обитель была въ тревогѣ. Высылали послушниковъ да монастырскихъ мальчиковъ, что жили съ постриженными вдовыми отцами, воспитываясь въ монастырѣ, и каждый часъ прибѣгали гонцы съ вѣстями:

— Ѣдутъ... съ десятокъ поприщъ [1]) отъ обители на отдыхъ стали... гораздо притомилась государыня великая инокиня Марѳа Ивановна.

---

[1]) Поприще—верста.

— Ужъ пятокъ поприщъ осталось, отче... скоро будутъ...

— За два поприща видно; пыль-то, пыль столбомъ, а въ пыли золотыя ферязи такъ и свѣтятся, такъ и горятъ...

За два поприща отъ монастыря царскую процессію ждали выборные монахи.

Уже смеркалось; густѣли тѣни; загорался алымъ полымемъ закатъ; вблизи монастыря въ чащѣ лѣсной тихо стонала и плакала сова...

Никита стоялъ вмѣстѣ съ другими монахами у воротъ обители съ хлѣбомъ-солью на золотомъ блюдѣ, покрытомъ расшитымъ золотомъ полотенцемъ.

Послышались голоса, ржаніе копей, грохотъ колесъ, и въ облакѣ пыли показался царскій богомольный поѣздъ.

Всѣ шли пѣшкомъ; позади, громыхая, катились тяжелые колымаги и возки, запряженные лошадьми цугомъ.

Впереди, по-трое врядъ, двигались стольники, рынды, бояре. Въ облакѣ пыли мелькали ихъ разноцвѣтные бархатные, по чину праздника Покрова, ферязи; бѣлыми пятнами выдѣлялись молоденькіе пригожіе рынды; серебромъ и жемчугомъ сіяли ихъ высокія бѣлыя шапки; ярко блестѣли то поры на плечахъ этихъ царскихъ тѣлохранителей.

За рындами бояре вели подъ руки царя. Онъ былъ совсѣмъ юный, опирался на руки бояръ какъ-то стыдливо; казалось, ему было неловко отъ того, что пожилой дядя Иванъ Никитичъ Романовъ поддерживаетъ его подъ руки съ осторожностью, точно больного.

За царемъ двигалась толпа бояръ, а передъ нею царскій дьякъ и милостынникъ съ обитымъ краснымъ бархатомъ ящикомъ для челобитныхъ. Густая толпа народа съ ближнихъ и дальнихъ селъ бѣжала за боярами, съ воплями и причитаніями, и дьякъ не успѣвалъ принимать челобитныя.

Не меньшая толпа народа окружала богомольное шествіе матери царской инокини Марѳы.

Она тяжело опиралась на руки монахинь въ черныхъ клобукахъ и наметкахъ, и было смертельно блѣдно ея лицо съ полузакрытыми выпуклыми глазами; она тяжело дышала, пройдя по завѣту двадцать верстъ пѣшкомъ. Возлѣ царской матери бѣжала ея дура Марѳа, крошечная старица, съ глупой улыбкой и высокимъ, похожимъ на стрекотаніе сороки, голосомъ. Безъ этой любимой дуры Марѳа Ивановна никуда не ходила и не ѣздила.

Мелькали наметки монахинь, какъ крылья черныхъ громадныхъ птицъ, а между ними царственная горностайная мантія Марѳы Ивановны и соболья ея шапочка. И какимъ-то страннымъ пятномъ выдѣлялась группа боярынь и боярышенъ въ цвѣтныхъ опашняхъ съ бѣлоснѣжными поярковыми шляпами, подбитыми тѣлеснаго цвѣта тафтой, съ желтыми шелковыми лентами, золотыми пуговками и кистями, ниспадавшими имъ на плечи. Расшитой тафтою ихъ игралъ вѣтеръ; желтые сапожки запылились. Стрѣльцы съ бѣлыми посохами и батогами въ рукахъ и старики, дѣти боярскія, замыкали шествіе. А за людьми слуги вели бѣлыхъ лошадей, крытыхъ попонами изъ леопардовыхъ шкуръ, золотой и серебряной парчи, украшенной драгоцѣнными камнями. Ржали лошади; скрипѣли колеса; возки были обильно нагружены подношеніями встрѣчныхъ крестьянъ и духовенства: колачами крупичатыми, сдобными и тертыми, румяными яблоками, ягодами, морковью и рѣпою, орѣхами, пирогами, квасомъ, сотовымъ медомъ и брагою, пряниками,—немудрыми сластями, которыми тѣшился простой народъ.

Никита видѣлъ, какъ, опираясь на индѣйскій посохъ изъ чернаго дерева, подошелъ царь къ игумену Зосимѣ, принялъ благословеніе и поцѣловалъ руку. И почему-то этотъ поцѣлуй врѣзался Никитѣ въ память. Онъ долго не могъ забыть, какъ низко и покорно склонилась голова царя въ

вѣнцѣ съ соболиной опушкой, ярко блестѣвшей драгоцѣнными камнями.

— Такъ вотъ что,—промелькнуло въ головѣ у Никиты,— можно быть черпецомъ, жить въ безвѣстности, въ постригѣ, можно изнурять свою плоть постомъ и молитвою и удостоиться великой чести... самъ царь склонитъ главу передъ твоимъ благочестіемъ и станетъ лобызать тебѣ, безвѣстному иноку, руку...

Въ новенькой церкви о пяти главахъ, построенной пять лѣтъ назадъ надъ гробомъ чудотворца, свѣтились ярко свѣчи и лампады. Пахло чудесно розовымъ масломъ и ладономъ, и въ волнахъ кадильнаго дыма колебались желтые язычки пламени. Оплывали свѣчи; распускался таинственный свѣтъ, и въ темныхъ углахъ двигались черныя тѣни монаховъ.

Царь стоялъ около своего царскаго мѣста, высокаго, обитаго краснымъ атласомъ съ золотымъ галуномъ, молился усердно и слушалъ стройное пѣніе. Плыли волны кадильнаго дыма; плыли голоса клиросанъ, и среди другихъ голосовъ выдѣлялся переливчатый звонкій голосъ Богдашки.

Тихо, проникновенно звучали возгласы отца Арсенія; тихо, проникновенно, въ тонъ ему, отзывался новый дьячокъ, послушникъ Никита...

Была суббота; служили всенощную; за красными суконами на особомъ мѣстѣ, слушала всенощную инокиня Марѳа Ивановна со своими старицами и пріѣзжими боярынями, и только вздохи изъ-за запаны (завѣсы) выдавали ея присутствіе.

Когда кончилась служба, царь прошелъ къ игумену въ келью и долго говорилъ съ нимъ наединѣ. О чемъ говорилъ онъ,—никто не зналъ, но, когда онъ пошелъ по пути, освѣщенному большими свѣчами, что держали въ рукахъ царскіе слуги, онъ шелъ, низко склонивъ голову, и

Никита видѣлъ, что глаза его красны отъ слезъ. Неужели этотъ кроткій Зосима съ тихимъ елейнымъ голосомъ могъ укорять царя въ его проступкахъ или довести его до слезъ разсказами о бѣдахъ Россіи послѣ страшной разрухи? Или онъ, царь, просилъ совѣта у старца Зосимы о томъ, какъ управлять землею?

Царь шелъ медленно, направляясь ко рву, гдѣ ждалъ его покой во вновь отстроенныхъ кельяхъ, и скоро за нимъ захлопнулась дверь, и монастырскій дворъ опустѣлъ. Онъ не замѣтилъ подростка въ монашеской рясѣ и скуфейкѣ на головѣ, прижавшагося къ стѣнѣ. Зоркимъ взглядомъ слѣдилъ монашекъ за царемъ, и царю въ голову не могло придти, какую крупную роль сыграетъ этотъ монашекъ въ жизни его сына.

Когда послѣдніе шаги монаховъ замерли на каменныхъ плитахъ, и монастырскій дворъ опустѣлъ, Никита все еще стоялъ, не шевелясь.

Надъ нимъ была черная нѣмая бездна ночи. Плыли темныя тучи, торопились куда-то; черно было вокругъ. Стояла безрадостная осень. Въ оконцахъ келій мелькали слабые огоньки. И вдругъ закапалъ дождь, точно частыя слезы. Мрачна была ночь.

Никита напряженно прислушивался. Гдѣ-то слабо звучали голоса; ржали лошади; люди укладывались на покой. А Никита смотрѣлъ въ бездну неба и все мучительно думалъ:

„Отецъ Зосима такой тихій, а заставилъ самого царя плакать. Что онъ говорилъ царю?“

„У крестоваго царскаго дьяка,—неслись дальше мысли мальчика,—объяренная [1]) шуба, а сказываютъ, будто онъ изъ простыхъ; отецъ нищемъ [2]) былъ... а сынъ у царя на

[1]) Сдѣланная изъ шелковой матеріи муаръ.

[2]) Бѣднымъ вѣроотступникомъ.

Верху... А царскій духовникъ, тотъ самого царя грѣхи вѣдаетъ и грѣхи тѣ волент отпущать... Господи, Господи!".

Но, поймавъ себя на этой тщеславной мысли, Никита вспомнилъ поученія отца Арсенія и зашепталъ скорбно:

— Господи, ты видишь душу мою... не завидую я, Господи...

Онъ хотѣлъ плакать и не находилъ слезъ, а въ душѣ смутно металась неясная жажда стать рядомъ съ тѣмъ, кто правитъ судьбою Руси, заглянуть ему въ душу и узнать эту душу и узнать многое, чего не дано знать простому, какъ узналъ сегодня смиренный старецъ Зосима.

— Господи, не шубу объяренную я хочу,—шептали губы Никиты, а рука часто-часто творила крестное знаменіе

И вдругъ передъ нимъ ясно встало воспоминаніе: лѣтній день, солнечный и ясный, и заросль лѣсная, и коса, далеко ушедшая въ Волгу, и землянка, и глухой голосъ въ душной тьмѣ:

— Ты будешь великимъ государемъ надъ царствомъ Россійскимъ!

Ужасъ широко раскрылъ глаза Никиты. Рука чаще задвигалась; губы зашевелились беззвучно:

— Господи, помилуй! Господи, помилуй! Грѣхъ какой!

И Никита торопливо началъ читать:

— Да воскреснетъ Богъ и расточатся врази Его...

— Никита... Ники-и-та!—слабо прозвучало во тьмѣ.

Никита встрепенулся; отецъ Арсеній звалъ его.

— Разскажу все отцу Арсенію,—подумалъ Никита,—искусъ на меня положитъ... Стану Богу молиться, на поклонахъ ночь простою до утра... Господи, спаси!

И опрометью бросился онъ къ кельѣ отца Арсенія.

Въ эту ночь Никита долго плакалъ на груди у отца Арсенія, а потомъ стоялъ на колѣняхъ, до разсвѣта моля Бога отогнать отъ него дьявола.

Въ хлопотахъ слѣдующаго дня Никита не возвращался больше къ мысли о предсказаніи мордвина и о величіи духовника царскаго, но когда на другой день царь отбылъ изъ обители и монастырь опустѣлъ, въ душѣ его воскресли прежнія мечты. Воспоминаніе о монастырскомъ праздникѣ не давало ему покоя, и по ночамъ онъ не могъ отогнать отъ себя заманчивыхъ видѣній. Они приходили къ нему, плыли, яркія, прекрасныя... И онъ уже видѣлъ Москву, всю залитую солнечнымъ свѣтомъ, шумѣвшую веселою толпою, съ башенками и златоверхими теремами, съ безчисленными главами церквей, видѣлъ и себя взрослымъ въ пышномъ облаченіи, рядомъ съ царемъ... Какъ вѣщій колоколъ, звучалъ его, Никиты, голосъ, и кто слушалъ, тотъ плакалъ; плакалъ самъ царь, склонивъ голову, покрытую драгоцѣннымъ вѣнцомъ... И говорилъ Никита о правдѣ Божьей...

Такъ думалъ монашекъ Никита день и ночь, и мечты эти сдѣлались для него потребностью, почти явью...

А дни и мѣсяцы шли, и прошло еще около двухъ лѣтъ съ того дня, какъ царь посѣтилъ обитель Макарія.

И былъ опять праздникъ. Толпы народа запрудили и дворъ, и ворота, и на голой землѣ опять сидѣли нищіе надъ чашками и тянули жалобно Лазаря.

Пробираясь въ густой толпѣ богомольцевъ, Никита вдругъ остановился, какъ вкопанный. Ему показалось знакомымъ лицо человѣка, перемѣнявшаго ременную обувь и онучи на ногахъ. Это были тѣ же темно-каріе глаза, та же окладистая черная борода, что когда-то видѣлъ онъ на вельдемановской пашнѣ, рядомъ съ пашней отца.

Надъ богомольцемъ склонилось блѣдное лицо молодого монашка, и тихій голосъ прозвучалъ:

— Отколь будешь, дядя? Не изъ Вельдеманова ль?

Эти слова вырвались у послушника невольно, и тутъ

только онъ смутно понялъ, что связь съ роднымъ селомъ въ немъ еще не порвалась.

Богомолецъ поднялъ непокрытую голову. Изъ-подъ черной скуфейки на него смотрѣли знакомые глаза. Гдѣ онъ ихъ видѣлъ? И подозрительнымъ, дрогнувшимъ голосомъ онъ отвѣчалъ:

— Изъ Вельдеманова. А нешто ты Вельдеманово знаешь?

Послушникъ смущенно отвернулся.

— Хаживалъ туда по дѣламъ отъ обители... мимо Вельдеманова случалось проходить не разъ... кажись, въ твоей избѣ, дядя, ночевать довелось...

Богомолецъ продолжалъ подозрительно разглядывать послушника.

— И то, и то,—говорилъ онъ раздѣльно,—и когда это тебѣ довелось побывать въ Вельдемановѣ, да еще не одинъ разъ! Есть ли тебѣ семнадцать годковъ, милый? Да не будешь ли ты, часомъ сказать, сыномъ моего друга сердешнаго, побратима моего Мины? Ой, Никита, не хоронись; вѣсточку я тебѣ принесъ изъ дома нерадостную...

Никита вздрогнулъ, и блѣдное лицо его залила краска. Все, что спало въ немъ непробудно эти годы, убаюканное созерцательной монастырской жизнью, проснулось, и у него шибко забилось сердце. Онъ не могъ уже отпираться и обернулся вспыхнувшимъ, какъ зарево, лицомъ къ односельчанину.

- Искали, вишь, тебя, Никеша,—до сего дня бабка все въ поминанье записывала о безъ вѣсти пропавшихъ... живъ, сказывала, мой голубчикъ,—сердце—вѣщунъ: чуетъ. Ноньнезаздоровилось ей, вовсе собралась помирать. Да и помретъ, гдѣ ей выжить? Сказывала: увидишь гдѣ, милый, Никешу, будь другъ: слезно скажи ему,—бабка проситъ... вернись, молъ, Никешенька, глаза ей закрыть... глаза пусть закроетъ,

а послѣ идетъ, куда знаетъ... Дай, баетъ, помереть мнѣ, его хоть одинъ часокъ повидавши...

Никита поникъ головою. Въ душѣ его шла тяжелая борьба. Нахлынули воспоминанія о жизни въ родной семьѣ, и воспоминанія эти зажгли сердце тоскою. И тяжело было отъ простой сердечной мольбы старушки, и тяжело было отъ думы, что придется покинуть тихую обитель и вернуться вновь въ ненавистную обстановку родного дома...

— А мачеха-то твоя померла, и дѣти ея въ ту пору померли... разсказывалъ землякъ. — Какая-то хворь ходила: зажметъ горло, погоритъ человѣкъ и Богу душу отдастъ. Мина-то нонѣ одинъ въ избѣ, съ бабкой твоей мается...

Никита поднялъ голову. Уныло падали его слова:

— Не смѣю я безъ благословенія старцевъ уйти. Пожди малость, я тебѣ вѣсточку дамъ.

И медленно, точно къ ногамъ его были привѣшены желѣзныя цѣпи, пошелъ Никита къ отцу Арсенію.

Старикъ выслушалъ послушника, но долго молчалъ. Тихо и ласково зазвучалъ его голосъ:

— Господь указываетъ тебѣ, Никита. Не вѣдалъ я, что у тебя на міру кто-то есть. Таился ты отъ меня всѣ годы. Ступай домой, ступай въ міръ. Коли бъ не надобенъ ты былъ на міру,—не встрѣтилъ бы земляка; коли бъ не надобенъ былъ тебѣ міръ, твое сердце не откликнулось бы ни на чей зовъ. Ступай въ міръ. Поживешь, поглядишь, поразмыслишь, а вспомянешь пустыньку, потянетъ къ тиши обители, придешь и постригъ примешь. Со Христомъ, милый. А я доложу о тебѣ игумену.

И медленно, спокойно направился онъ въ келью къ Зосимѣ.

Никита вернулся домой. Дома онъ засталъ бабку при смерти, принялъ отъ нея благословеніе и закрылъ ей глаза. Но не суждено было ему уже вернуться въ монастырь къ

Макарію; онъ былъ не въ силахъ покинуть одинокаго убитаго отца. Уступая просьбамъ Мины, день ото дня откладывалъ онъ свой уходъ и, наконецъ объявилъ, что остается совсѣмъ въ Вельдемановѣ, чтобы беречь старость отца.

Мина, казалось, радовался, что сынъ не бросаетъ землюкормилицу. Но недолго ему пришлось радоваться: недугъ свалилъ его, и скоро онъ умеръ, завѣщавъ Никитѣ жениться и не бросать пашню.

Тогда Никита вспомнилъ Настю—дочь колычевскаго священника, и отправился ее сватать.

Жизнь пахаря была не по силамъ Никитѣ. Онъ не переставалъ мечтать о монастырѣ, о служеніи церкви даже и послѣ женитьбы.

Тогда отецъ Иванъ пришелъ на помощь къ зятю: онъ уступилъ Никитѣ свой приходъ, чтобы самому жить на покоѣ, и на двадцатомъ году жизни Никита сдѣлался священникомъ села Колычева, бросивъ вельдемановское хозяйство.

Изъ Никиты впослѣдствіи вышелъ крупный человѣкъ, занявшій видное мѣсто въ исторіи.

По просьбѣ московскихъ купцовъ, узнавшихъ о начитанности колычевскаго священника, Никита перешелъ въ Москву; но тутъ у него умерло разомъ трое дѣтей, и онъ принялъ ихъ смерть за небесное указаніе отрѣшиться отъ міра и рѣшилъ удалиться въ монастырь. Уговоривъ жену постричься въ монахини, Никита самъ ушелъ на Бѣлое море и постригся въ Анзерскомъ скитѣ подъ именемъ Никона.

Мечты Никиты о власти и могуществѣ, смутно проявившіяся еще въ Желтоводской обители, осуществились.

Сначала онъ былъ выбранъ игуменомъ въ Кожеозерской пустыни на сѣверѣ, на островахъ Кожеозера, и сейчасъ же явился съ обычнымъ для игуменовъ поклономъ къ молодому царю Алексѣю Михайловичу (1646 г.). Здѣсь онъ такъ понравился царю, что былъ посвященъ въ санъ архимандрита

Новоспасскаго монастыря, гдѣ находилась родовая усыпальница Романовыхъ. То было началомъ сближенія Никона съ Алексѣемъ Михайловичемъ. Царь самъ далъ Никону полномочіе принимать просьбы всѣхъ, кому была нужда до царя, и скоро новый „собинный“ (особенный) другъ царскій пріобрѣлъ славу защитника угнетенныхъ и любовь народа на Москвѣ.

Судьба поднимала Никона все выше и выше, и въ 1652 году онъ уже подписывался титуломъ, которымъ когда-то подписывался отецъ царя Михаила Ѳедоровича, патріархъ Филаретъ: „Великій государь, святѣйшій Никонъ, архіепископъ московскій и всея Великія, Малыя и Бѣлыя Россіи и многихъ епархій, земли же и моря сея земли патріархъ“. Сила и власть патріарха были безграничны, и безгранично было вліяніе его на царя.

Никонъ сдѣлался главою обновленной церкви; онъ установилъ новое богослуженіе по исправленнымъ книгамъ; онъ сдѣлался и суровымъ гонителемъ приверженцевъ старой вѣры — старобрядцевъ, вождемъ которыхъ былъ землякъ его и злѣйшій врагъ, протопопъ, Аввакумъ претерпѣвшій отъ Никона страшныя гоненія.

Но и Никона ждала тяжелая участь. Властолюбіе его и стремленіе подчинить себѣ царя нашло противодѣйствіе въ боярахъ и духовенствѣ. Одни изъ нихъ стали въ ряды враговъ Никона, какъ приверженцы старой вѣры, другіе преслѣдовали свои личныя выгоды, и всесильный патріархъ палъ внезапно, какъ внезапно поднялся. Въ 1667 году онъ былъ лишенъ сана и сосланъ сначала въ Ѳерапонтовъ монастырь Новгородской губерніи, а потомъ въ Кирилло-Бѣлозерскій, той же Новгородской губерніи, гдѣ онъ и умеръ въ 1681 году.

2007099336